

Александр ЛОМКОВСКИЙ

ДУРДОМ

Записки санитаря

(Журнальный вариант романа)

*«Дурдом не только в стенах отделения,
но и за стенами тоже...»*
(Из предисловия автора)

Глава 1. СОБАКА

«Ты попался, придурок, и сейчас я тебя бить буду!» — огромный мужик, похожий на санитаря Сергеича, схватил Ботинок и принялся трясти его за плечи, видимо, пытаясь оторвать голову. «Нет! — заорал Ботинок. — Я не придурок!» — и хотел было объяснить мужику, что тот принял его за кого-то другого и что он, Ботинок, не дурак, а всего лишь эпилептик и сюда, на третье отделение, затесался по ошибке. Но мужик продолжал упорно трясти его за плечи и к тому же начал шепеляво просить у него закурить. От удивления Ботинок проснулся. Никакого мужика рядом не было, а тряс за плечо его, оказывается, Собака.

— Андьюса, ну дай покутить... Ты же обессял после обеда, сто оставис.

Ботинок смачно влил Собаке кулаком в беззубый рот. Рывком скинул одеяло и сел на койке. Собаки уже рядом не было. Ботинок с наслаждением почесал голую грудь и зевнул. Внимательно окинул небольшими цепкими глазками палату. Двое обмороков на соседней кровати листали какой-то журнал. В углу на корточках сидел Пашка Абдуллин и что-то травил Циркачу и Шпицу. На двух-трех койках валялись мужики и громко храпели. Воздух в палате был спертый и душным.

— Собака! — громко крикнул Ботинок. Тот моментально возник в проеме палаты:

— Покуим?

— Форточку по-быстряку открыл...

— Ага! — радостно проорал Собака и кинулся к окну. Прямо в тапках заскочил на кровать, с нее на подоконник и распахнул форточку. Подбежал и присел рядом с Ботинком. — Обессял...

— Ладно, подходи на дальняк, оставлю.

Санька Сергеев по прозвищу Собака маленьким смерчем сорвался с места и кинулся искать своего кореша Быкова. Андрей Ботинин, он же Ботинок, меж тем, не спеша влез в тапочки, достал из кармана сигарету и поднялся. Тут же из моечного отделения выглянул Васька Толстов, мывший там посуду.

— Андрей, покурим?

— Собаке оставляю, — ответил Ботинок, снова зевнул и вышел из палаты. Васька выскочил следом и тут же проворно ухватил за шиворот пробежавшего мимо Собаку:

— Александр, оставишь пару разов дернуть?

— Не-а, — вывернулся Собака. — Я Быську буду оставлять! Он забил узе.

Васька со злости пнул ногой тумбочку, стоящую в коридоре, с тоской посмотрел в сторону туалета, где курили мужики, и убрался домывать посуду.

Быкова Собака обнаружил в сушилке. Тот под присмотром санитаря Андрея перебирал валенки. Быкова Андрей не отпустил, и Собака со всех ног кинулся в туалет — на дальняк, как его называли больные. А там Ботинок как раз оставлял покурить Глушаку.

— Ты же мне хотел оставить... — жалобно заскулил Собака.

— Мал еще! — лениво зевнул Ботинок и вышел из туалета.

Громадный квадратный Глушак грозно взглянул на Собаку. Взгляд не предвещал ничего хорошего.

— Считаю до двух...

Повторять не пришлось — Собаку моментально выдуло в коридор. Там его тут же поймал здоровый, поперек себя шире, санитар Сергеич, до того времени мирно дремавший на стуле у окна раздачи.

- Сергеев, подь сюды!
- Сего нужно? — на всякий случай натянув на лицо хитрую улыбочку (Сергеич мог под хорошее настроение и сигаретой угостить), спросил Собака. Но Сергеич, как видно, угощать сигаретой не собирался. И даже наоборот — больно ухватил подобрывшего совсем близко Собаку за ухо.
- Ты чего это, пащенко, таблетки сегодня после обеда прятал?
- Нисего я не прятал! — взвыл Собака, у которого от боли и от облыжного обвинения санитаря даже брызнули слезы из глаз.
- Если Тамара говорит, что прятал, значит, и прятал, — настаивал Сергеич.
- Да влет она все! — взвыл Собака. — Андлей зе стоял смотлел. Он пловелил — я сестно все таблетки оглотил... Ухи пусти, Сейгеись!
- Твои уши вообще оторвать надо. Ладно, вали отсюда, — благословил Собаку санитар, отвешивая пинка. — И чтоб больше не видел, что у дальняка ошиваешься. Не хрен тебе тут без курева делать.
- Да, мне нейзя, а этому лызему козлу мозно? — отбежав на безопасное расстояние и держась за ухо, крикнул Собака. — Любис его, сто ли?
- Сергеич вскочил и хотел было догнать Собаку, но того уже и след простыл.
- Александр Сергеич, Собаку надо? — тут же подскочило несколько больных. — Дак вот сейчас и притараним. Только курнуть потом оставите?
- Сергеич махнул рукой. Больные, разочарованные тем, что не надо ловить Собаку, нехотя разбрелись по столовой. Сергеич, раз уж поднялся, то решил проверить порядок в наблюдательной палате. Женька Глушаков сидел на кровати и писал письмо. Кисель с Барышевым стояли у подоконника и о чем-то тихо переговаривались, глядя в зарешеченное окно, за которым все равно ничего не было видно. Остальные спокойно лежали на кроватях. В пятой палате Собака, между тем, снова подошел к Ботинку.
- Андьюса, ты зе мне хотел оставить окуить, а одал этому здоловому, Зеньке.
- Тебя долго не было.
- Я Быська искал! — протестующе возразил Собака и, словно это могло что-то изменить, добавил: — Его санитар не пустил. Пока, говоит, катаники на место не поставис, никуда не уйдес.
- А мне фиолетово — где ты был, кого искал... Не подошел вовремя — амба! Сиди ненакуранный.
- Но как зе... — заныл Собака. — Обессял, обессял... А се такое — фиолетово?
- А это, Собака, значит, по фигу, — просветил Ботинок Сергеева и начал поворачиваться на другой бок, но неожиданно в голову пришла хорошая мысль: — А в принципе могу тебе дать штуку «Астры».
- Потерявший уже всякую надежду, Собака так и застыл возле койки.
- Дай, — хрипнул он враз пересохшим ртом.
- Но не задаром, — предупредил Ботинок. Собака быстро закивал большой стриженной под ноль головой. Было видно, что за сигарету он согласен на все. Ну, или почти на все. — Собака, слушай сюда. Я даю тебе штуку «Астры», а ты мне будешь должен еще пачку «Беломора». Итого — три. Идет?
- Маленький, тщедушный Собака, не дотягивающий на вид до своих двадцати семи лет, задумался: «Мать, скорее всего, пришлет всего-то пачек десять — больше ни разу не посылала. И три из них будут уже у Ботинка. Остается...» — Собака загибал пальцы, производя в уме вычисления. Ботинок терпеливо ждал, кося насмешливым глазом на пыхтающего и сопящего Собаку. По лицу Собаки нетрудно было догадаться, что ему страсть как не хочется за одну штуку «Астры» отдавать целую пачку «Беломора». Но делать было нечего — без курева, по его собственному выражению, уже «опухали уши», и он решился. Тем более что по подсчету выходило семь пачек на карман. А не шесть или, к примеру, не пять. Семь пачек — это куда еще ни шло!
- Давай!
- Три пачки, — напомнил Ботинок, протягивая сигарету.
- Ага! — проорал Собака, схватил сигарету и бросился разыскивать кореша.

Глава 2. ОДИН ДЕНЬ САНИТАРА ИВАНОВА

Ударив в темноте по кнопке будильника — тяжело, смачно, будто прихлопнув комара, — Иванов сел на диване, соображая, что же нужно от него будильнику. Сообразил. Сегодня четверг, дневная смена. Найдя в темноте одежду, он на цыпочках, чтобы не разбудить жену и маленькую дочку, прошел в кухню, включил свет и начал торопливо одеваться.

На улице пока было безлюдно. Редкие фонари освещали нетронутую еще автомобильными колесами поверхность дороги, присыпанную легким, словно лебяжий пух,

снежком. Привычно глянув в просвет обледенелых ветвей старого тополя и найдя ковш Большой Медведицы на своем обычном месте, Иванов почувствовал, что начинает втягиваться в наступающий день. Двинул вдоль дороги быстрым шагом. Время — без двадцати шесть. Обычно он добегал до работы за час.

Мысли невольно перенеслись на дела рабочие. Медсестра Фаина с сегодняшнего дня ушла в отпуск, и на «осиротевшей» смене, по составленному старшей графику, будут работать по очереди медсестры с других смен. И сегодня замещать Фаину выпадало Ольге Викентьевне: молоденькой, симпатичной и, что самое главное, разведенной. Она нравилась Иванову, и когда их смены случайно совпадали, он из кожи вон лез, чтобы познакомиться поближе, сыпал анекдотами, вымучивал остроты, над которыми Ольга хохотала до упаду, но держала Иванова на расстоянии. «Все равно вместе будем! А то что же получается? Я уже год почти в разводе, а до сих пор живу с бывшей женой. Дочка держит — понятно. Но не вечно же! А Ольга хороша, чертовка! Обязательно моей будет — хоть вы лопните все...» Кому нужно было лопнуть, Иванов не уточнил, поглядел на часы и прибавил шагу.

Проходя через поле, увидел на подзаметенной снегом тропе четкую цепочку следов сорок шестого размера: «Гусь. Возможно, догоню», — и нагнал напарника на мосту.

— Эй, Серега! Посидишь сегодня у наблюдалки?

Гусь, явно не ожидавший такого «щедрого подарка», осторожно уточнил:

— Всю смену?

— Конечно. Ольга ведь, сам понимаешь.

Напарник вместо ответа лишь радостно засопел. А дело в том, что, по распоряжению отделения, один из двух дежурных санитаров должен неотрывно находиться возле наблюдательной палаты. Там помещались самые буйные психические больные или же новенькие, за ними осуществлялся непрерывный надзор. Обычно санитар находился у наблюдалки по три или же по шесть часов. Второй в это время контролировал остальные пять палат, выходил с больными на прогулку во внутренний дворик, водил отдельных больных в поликлинику, присутствовал при раздаче лекарств. Предпочтительней было торчать возле наблюдалки на стуле, чем шастать по коридорам, помогать медсестрам и постоянно быть на глазах у шефа.

Подойдя к отделению, напарники долго звонили в дверь, подпрыгивая на морозе.

— Заснули, что ли! — возмутился Гусь.

— Ты в курсе, что Собака вторую неделю галоперидол штырит?

— Да ты что! — удивился Гусь. — На фига ему?

— «Барабанов» нужно побольше иметь — они в клювиках информацию и притаранят. Славка Шичигин хлестался, что Собака Сергеича травануть хотел. В чайник, говорит, высыплю — а там пусть хоть всю смену скует...

— Ну, и?.. — заволновался Гусь.

— Ну, и... высыпал, видно. Двери ломать придется.

Гусь, поняв все-таки, что его разыграли, гулко захохотал. Наконец, в смотровом окошечке появилось лицо пожилой санитарки Тони.

— Привет труженикам ночного фронта! — поприветствовал Иванов крепкого сорокалетнего санитаря Валеру. — И вам здравствуйте! — поприветствовал Собаку, Хоря и Шичигина, толпящихся у дверей туалета в ожидании Иванова. — Собака, ком цу мир!

Тот быстренько подскочил.

— Санька, исовать меня седня будес?

— Не понял?! — Иванов подцепил Собаку за ухо.

— Асан Имиовись...

— Вот, правильно, Александр Владимирович. Я тебе не под забором и нашелся. А рисовать я тебя буду завтра.

Иванов на досуге рисовал карикатуры на больных. Выходило неважно, рожи получались страшненькие, но пациенты были довольны — за каждый сеанс санитар отстегивал им по сигарете. Дома он пугал этими рожами свою маленькую дочку.

Собака широко заулыбался, скаля свои беззубые десны, и замотал стриженной головой, с гордостью поглядывая на товарищей — вот, дескать, и меня тоже нарисуют! Иванов протянул Шичигину заранее приготовленную сигарету.

— Славик, вот вам штука на троих — с подъема покурите. А сейчас — исчезли.

Словно бесплотные духи, Хорь, Собака и Жир растворились в полумраке столовой.

— Как смена?

— Быка с наблюдалки вывели на четвертую палату, — ответил Валера. — На его место новенького подогнали — Юриков какой-то. Расписываться пойдешь — личное дело считаешь. По сто сорок четвертой проканал. По мелочам подворовывал. Длинный такой. Красиков с Ботинком на дальняке перемахнулись. Уже перед отбоем. Татьяна в журнал записала. Вот и все, пожалуй.

Когда часы пробили час подъема, Иванов зашел в наблюдательную палату, зажег верхний свет и прорычал:

— Подъем, баламуты!

Из-под одеял начали показываться стриженные головы больных. Подошел к Глушакову, присел рядом и, понизив голос, заговорил:

— Женя, чего вчера Карась с Ботинком не поделили?

— Красиков Собаку к Генахе за сигаретой заслал, а тот на дальняке был. И Ботинок туда зашел, у Собаки сигарету увидел и забрал. Карась с Ботинком и сцепился. Я прибежал, дал обоим раза, да и все.

— А чего Собака сразу к тебе не прискакал?

Женька задумался, почесал макушку и предположил:

— Не успел, может?

— Руби конфликты в зародыше. Раньше выйдешь отсюда. Ты всегда должен быть в курсе всего. На тебя же половина отделения работает.

— На тебя не меньше «барабанят», — парировал Глушак.

— А меня вчера не было... Кто дежурный?

— Кисель сегодня...

Иванов пробежался по палате взглядом.

— Киселев, — тряпку, ведро, да побыстрее.

— Понял, Александр Владимирович! — весело прокричал Кисель.

— А вас, сударь, команда «подъем» не касается?

Из-под одеяла показался настороженный глаз, с явным интересом бегающий по сторонам. Одеяло поползло ниже, открывая большой крючковатый нос, который вдруг задвигался, принохиваясь к воздуху наблюдалки. Хлопнув Юрикова по плечу:

— Вставай, вставай, несуразица! — Иванов направился на выход из наблюдалки. В палату уже спешил Кисель с ведром, тряпкой и метелкой в руках, заслужив похвалу: — Молодец!

— А покурить оставите?

— Так и быть, оставлю. Оперативность исполнения приказов дежурного санитаря должна поощряться. Правильно?

— Так точно! — весело прокричал Кисель и, сунув метлу под мышку, быстро приложил палец к нижней губе, мол, есть информация. Иванов понятиво кивнул.

Гусь произвел подъем в другом конце отделения.

— Серега, принимай боевой пост, — сказал ему Иванов. — Смотри, чтоб новенького не обижали. Вон он выплывает, — из наблюдалки, пошатываясь, выходил новенький. Высокий, худощавый, курточка болталась, как на вешалке, но по тонким губам струилась улыбка всем довольного пятилетнего малыша. — Эй, малыш, поди сюда!

— Вы меня знаете? — глядя в глаза, ровным голосом поинтересовался новенький.

— С чего бы это?

— Дело в том, — безмятежная улыбка, не переставая, блуждала по его губам, — что меня все, в том числе и родители, зовут Малышом.

— Да как же тебя, сударь, называть-то еще? Только Малышом, естественно. Вишь, какая орясина вымахала!

Новенький засмеялся и направился в туалет, а Иванов пошел открывать ванную комнату. Там уже стояли около десяти больных с перекинутыми полотенцами через плечо и зубными щетками в руках.

— А что, сегодня выходной?

— Нет, Александр, сегодня четверг, — с готовностью ответили несколько человек.

— А раз не выходной, то... — посмотрел на часы, — через три минуты зарядка. Побросали полотенца — и в столовую. Марш-марш!

Недовольно бурча, больные разошлись. Подбежал Киселев.

— Александр Владимирович, мне бы воду набрать...

— Сейчас, Андрюша, — Иванов выбрал из тяжелой связки ключей тот, на котором висела соответствующая бирка, и открыл дверь. — Заходи, набирай.

Начали подтягиваться уборщики из других палат. Сел на подоконник, закурил.

— Покурить не оставите, Александр Владимирович? — сразу же раздалось несколько голосов.

— Киселю оставляю, скважины худые...

Киселев, набрав воду, поставил ведро рядом с батареей и вежливо спросил:

— Как отдыхали?

— Да ничего, Андрюшка, отдыхал.

Кисель придвинулся поближе.

— Вчерась Красиков с Ботинком в туалете махались...

— Знаю. Что еще?

— Этот дед, Комлев, две таблетки циклодола заштырил. В наволочке у Большого немца спрятал.

— Ого! Это уже интересно. Значит, к себе под подушку побоялся сунуть? Осторожен, мать его... Почему на отделении циклодол сейчас торгуют?

— Две таблетки за три сигареты.

— Я не стану спрашивать, для кого Комлев прячет циклодол в наволочку Большого немца. Это неэтично. Так? — Кисель утвердительно кивнул, не сводя скорбящего взгляда с окурка, дымящегося в руке санитара. — Я спрошу только одно. Кто богат сигаретами?

— Ботинок.

— Вывод? — Иванов сделал последнюю затяжку и протянул сигарету Киселю.

Тот, схватив окурки и тут же ловко скрыв его длинным рукавом курточки, другой рукой подхватил ведро и, не став дослушивать, какой же вывод, помчался к туалету.

Санитар задумался: либо «нарезаться» перед шефом, либо решить вопрос самому. Шефа Иванов недолюбливал. Это и решило исход дела. Заглянув в столовую и отыскав взглядом Комлева, лениво машущего руками, он поманил его пальцем. С зарядки редко кого выдергивали. И поэтому, почувствовав неладное, Комлев приближался с явной опаской.

— Комле-ев, — состроив зверскую гримасу, протянул Иванов. — У тебя ровно одна минута, чтобы дойти до палаты и обратно.

— Зачем?

— Затем! Что ты из себя придурка строишь? Несерьезно, дед! Загляни под подушку Большого немца.

Повесив голову, Комлев убрел в палату. Через некоторое время вернулся.

— Александр Владимирович, только куму не говорите, ладно? — попросил он, стряхивая с потной ладони две таблетки циклодола на подоконник. Иванов открыл форточку и выбросил обе таблетки в сугроб за окном, ловко попав между прутьев решетки.

— К весне растают... Кто? — спросил без всякого перехода. Комлев замаялся. — Кто? — повторил санитар. Комлев упорно молчал, переминаясь с ноги на ногу. — Ботинин? — Комлев еле заметно кивнул. — За сколько обещал взять?

— За две сигареты, — треснувшим голосом выдал из себя Комлев.

— А почему не за три? — удивился санитар.

— Штуку должен...

— Свиданка когда?

— Сын написал, что в следующую субботу приедет.

— Ботинку отдашь со свиданки. А пока — вот тебе сигарета, выкуришь за мое здоровье.

— Спасибо, Александр Владимирович! Мы с Николаем после зарядки покурим, — сбивчиво заговорил враз повеселевший Комлев.

Иванов снова сделал строгое лицо и ухватил Комлева ладонью за шею.

— Но не дай бог, дед, узнаю, что опять таблетки штыришь. Тогда тебе никакого циклодола не будет, а будет наоборот — наблюдательная палата, и аж до самой выписки! Понял?

— Нет-нет, ни в жисть больше!

После зарядки больные разделились на два потока: одни шли в туалет — курить, а другие — в палаты за полотенцами.

— Привет, Саня! — к Иванову, расталкивая больных, пробирався Ян, семнадцатилетний цыган, один из трех цыган на отделении, и, светясь улыбкой, протягивал обе руки. — Я научился ту песню на гитаре играть! Вчера весь вечер сидел. Что-нибудь новое покажешь?

— Покажу, покажу, — пообещал санитар и неожиданно хлопнул Яшку по плечу. Тот присел. — Эх, слабоват еще...

— Не, Сань, — нисколько не обидевшийся Яшка так и сиял от радости. — Я уже восемь раз подтягиваюсь. И отжимаюсь — сорок четыре. Не веришь?

— Проверим нынче. Дуй умываться!

Яшка убежал, а к Иванову спешил с полотенцем в руках один из дедов отделения — Костя Голубцов по прозвищу Циркач. Он перетаптывался с ноги на ногу, это сказывалось действие нейролептиков, которыми пичкали пациентов. От них возникала так называемая самими больными «нетерпячка» — особое состояние, когда без очередной порции лекарств отдельные части тела начинали самопроизвольно дергаться, а где-то в подвздошине нарастал нестерпимый зуд. И постоянным движением можно было как-то нейтрализовать это неприятное состояние.

— Александра Владимирович, дай вам бог здоровья! — прошамкал Голубцов. — Умный вы, уважаю я вас. В обхождении любезны и словам цену знаете. И циркачей с циркачками не ругаете, а наоборот — заступаетесь даже. И святые соборы и мечети не

рушите — не чета всем нехристям...

— Константин Васильевич, у меня даже и крестик есть, — похвастал Иванов и, растегнув верхнюю пуговицу рубашки, показал маленький золотой крест.

Костя истоиво, размашисто перекрестился на санитару с крестом.

— Боголюбивый вы человек, дай вам бог счастья, покурить сегодня оставите?

— Ой, дед, ну ты и подхалимус! Иди мойся — оставлю...

— Спасибо, Александр. Вы очень много раз мне оставляли. Вы боголюбивый и добрый человек...

Больные потихоньку стали подтягиваться в столовую. Инструктор Валентин там резался в шашки с Левкой Шпицом. За другим столом яркие доминошники Переверзев, Попов, Хорь и Балашов «забивали козла». Между столиками неприкаянно болтался Собака и пытался давать советы, его отовсюду гоняли. Поймав Маленького немца, одного из двух глухонемых на отделении, Собака на полном серьезе принялся учить того говорить.

— Лызый, сказы — баба.

Маленький немец понятливо кивал и послушно выдавливал из себя:

— Ба-ба...

К Иванову подошел Леня Пучкис.

— Александр Владимирович, можно ли мне уже приступить к дежурству?

— Приступайте, Леонид Карлович. Как долго сегодня будете дежурить?

Пучкис ровным, бесцветным голосом, заглядывая в глаза Иванову, начал размышлять вслух:

— Сегодня вас двое, да еще Валентин Олегович. Значит, подежурю до обеда, а потом буду отдыхать.

Леня ушел в проход между четвертой и пятой палатами и начал бесцельно бродить от одного проема к другому. С этим здоровенным пятидесятилетним больным Иванов познакомился на своей первой смене. Сергеич, его тогдашний напарник, предупредил:

— Контингент здесь особый — бывшие «зеки», у которых в зоне крыша поехала. Ничему не верь и не смейся. Ни с кем не сближайся, а то заревишь потом...

Перед завтраком к новому санитару, то есть к Иванову, подошел Пучкис и, вытянувшись по струнке, представился:

— Позвольте отрекомендоваться: начальник всех морских и наземных вооруженных сил, маршал авиации, тайный генерал КГБ — Пучкис Леонид Карлович. На отделении исполняю обязанности санитару. За порядком слежу. А как вас звать?

Обалдевший Иванов выдавил сквозь смех:

— Александр...

— А вы зря смеетесь, я никогда не обманываю.

Тут подошел Сергеич:

— Леонид Карлович, иди за стол завтракать, — Леня отошел, Сергеич объяснил Иванову: — Валентин, наш инструктор по работе, когда санитаров не хватало, в шутку предложил ему подежурить, даже халат белый дал, и Леня уже два года санитаром себя считает. Иногда халат требует, который у него отобрали. Скажешь: нет твоего размера — на время успокоится...

Санитары разнесли по столам кашу, хлеб, чайники. Некоторое время в столовой слышался только стук ложек. Когда все поели, Иванов подозвал Демидова:

— Мора, считай ложки!

Больные потянулись курить, ставя пустые тарелки на отдельный стол и отдавая каждый свою ложку Демидову. Иванов поманил пальцем двух глухонемых — Большого и Маленького — и показал им, что надо вытирать столы. Те кинулись к батарее за тряпками. Собака бегал за ними по всей столовой и покрикивал:

— Эй, немсы, — лаботайте! Зыво, зыво!

Погодя Иванов подошел к Славке Шичигину:

— Славик, ну-ка гаркни!

Обрадованный Шичигин, набрав в широкую грудь побольше воздуха, завопил:

— Всем в столовую таблетки пить!

Подошла Ольга, неся коробку с лекарствами и ящик с карточками больных.

— С кого начнем?

— С меня, Ольга Викентьевна, — отозвался Генаха.

— Мосейкин Геннадий Владимирович, — медсестра взглянула в карточку пациента и подала Генке прописанную таблетку. Тот проглотил, запил водой из мензурки и открыл рот. Заглянув туда, Иванов несильно хлопнул Генаху по плечу:

— Отвали!

Ольга быстро выдавала таблетки, Иванов проверял рты и хлопал по плечу.

После приема лекарств — черед клеить конверты. Больные чинно рассаживались

за столами. Иванов открыл сушилку. Собака и Бык без лишних напоминаний начали снимать бумагу со стеллажей. Валентин принес сваренный клей в небольшой кастрюльке и разлил по баночкам. Подошла реабилитационная медсестра Анна Николаевна, которой оставался год до пенсии.

— Саша, — обратилась она к Иванову, — Андрей Андреевич на отделение собрался — обеспечить.

По новой инструкции, санитар, не дежурящий у наблюдательной палаты, был обязан сопровождать шефа по всему отделению, следуя позади от него в двух метрах. Этим актом Губанов решил обезопасить себя от эксцессов, да и действительно: некоторые агрессивные больные, ждавшие комиссии, как манны небесной, и «пролетевшие» на ней, могли ненароком открутить шефу голову. Таких после комиссии шеф держал по несколько недель в наблюдальке, глуша агрессивность лошадиными дозами нейролептиков. Было жалко смотреть на это синюшное, трясущееся подобие людей. «В кулуарах» политика Губанова вызывала горячие споры — зачем, мол, обещать больному выписку, а вместо нее назначать галоперидол с аминазином и запихивать в наблюдальку? Уж лучше бы и не обещал.

А еще он ввел почти официальную систему доносов. Некоторые больные, вконец обуреваемые, всю «ломали» персонал. В результате почти все санитары обзавелись каждый своими клеветками, и те «глушили» стукачей на дальняке по таксе: две-три сигареты за фингал. Стукачи быстро поняли, что на санитаров доносить невыгодно и переключились на медсестер и другой персонал. Медсестры после разноса у шефа плакали в раздевалке и просили санитаров посодействовать. Через некоторое время шеф удивился и задумался, с чего бы это больные, раньше готовые за одно только упоминание о внеочередной комиссии донести на родного отца, стали упорно отмалчиваться в приватных беседах. Но не все. Два-три человека продолжали постукивать, так как шеф строго наказывал персонал за каждый обнаруженный синяк. Санитары роптали: охамевшего больного и пальцем тронуть не могли! Скоро дойдет до того, что они медсестрам халаты задирают начнут!

Шеф перенимал опыт москвичей в части реабилитационных мероприятий, в результате которых у больного должен появиться вкус к полноценной жизни, и ввел на отделении должность реабилитационной медсестры. И предпенсионная Анна Николаевна, как молодая козочка, прыгала вместе с больными в мешках и гоняла мяч по прогулочному дворику.

Губанов гнул свою линию и закручивал гайки. С десятков больных снова начали «барабанить», медсестры — плакать, а санитары стали перебежать на другие отделения, где нравы попроще. Проработав на отделении год, санитар считался ветераном. Иванов уже был ветераном вдвойне, а Сергеич и Валера были мастодонтами с пятилетним стажем и помнили дореабилитационные времена при старом шефе...

Позвякивая тяжелой связкой ключей, Иванов зашел в пятую палату. Здесь, за обитой железом дверью, было царство Валентина Олеговича — швейная мастерская. Рядом располагалось моечное отделение, где сейчас Васька Толстов в клубах пара драил тарелки и кружки. Ложки же приравнялись шефом к холодному оружию и выдавались и принимались раздатчицей по счету, она же сама их и мыла. Иванов заглянул в швейку. Генка с Яшкой, Мора, Красиков и другие с увлечением строчили на машинках. Предупредив Валентина, что ожидается приход шефа, Иванов пробежался по всем палатам, проверяя заправку кроватей и чистоту вымытого пола. И вот из сестринской вышел шеф — немолодой, поджарый, стремительный. Редкие седые волосы аккуратно зачесаны назад. Цепким, настороженным взглядом из-под густых бровей придирчиво оглядел Иванова, отыскивая изъяны во внешнем виде.

— Почему вы разгуливаете с ключами в руке? — нашел повод придрататься Губанов. — Больные отберут их, и половина отделения разбежится.

— Вряд ли это, — хмыкнул Иванов.

В столовой больные тихо-мирно клеили конверты. Здесь Губанов задерживаться не стал и прошел в наблюдальку. В палату набился персонал. Шеф пожурил лежащего в углу молодого парня по фамилии Барышев за то, что тот не ходит на прогулки.

— Неспокойно мне, — признался Барышев. — Как только перевели сюда, так и пошла нетерпячка.

— Сколько времени у нас находится Сергей Леонидович? — спросил шеф Ольгу как дежурную медсестру.

— Две недели.

— После трудотерапии вычеркните у него из карточки аминазин: утро и день. Оставьте только вечер, причем не 50, а 25 миллиграмм. Также, для устранения побочных эффектов и снятия напряжения, добавьте утром таблетку циклодола.

Иванов подмигнул Ольге — любит, мол, шеф красивые жесты, та понимающе улыб-

нулась. Губанов проследовал в мойку, где поинтересовался, работает ли бак для кипячения воды, потом в швейку, где узнал, сколько полотенец и наволочек будет пошито к пятнице, и убрался в свой кабинет. Иванов с облегчением плюхнулся в кресло. Из сестринской выглянула процедурная медсестра:

— Саша, вот список на уколы. И Усохина через десять минут отведешь на прогревание.

— Как дела, Володя? — спросил Усохина Иванов по дороге в поликлинику.

— Как-как? Никак. Васька опять в шахматы обыграл.

— А ты не торопись. Думай. И выиграешь.

— Выиграешь тут, когда пол-отделения подсказывает.

— Кому подсказывает?

— Мне.

В поликлинике у кабинета толпились больные и санитары с других отделений.

— Третье отделение — без очереди! — гаркнул Иванов.

— Почему третье без очереди? — спросил какой-то санитар, видимо, из новеньких.

— Ввиду непредсказуемого поведения и социальной опасности пациентов. Ментов и мужиков в наручниках видел? Они с двадцать первого. Там судмедэкспертиза. А отсюда прямая дорожка к нам. Только уже без наручников. Соображай!

Вернувшись с Усохиным на отделение, Иванов стал вызывать больных на уколы, начиная с Собаки.

— Тебе-то чего колют?

— Гоясие, — довольный Собака, едва зайдя в кабинет, начал крутить во все стороны стриженной круглой головой, поразительно напоминая повадками любопытного щенка.

— Ты поменьше жальником-то вращай! — предупредил Иванов, перетягивая жгутом руку. — Наверняка чего-нибудь слямзить хочешь.

— Сего тут лямзить-то?

— Иголку, например.

— На фиг мне васы иголки нужны. Спийтику ба...

— Работай!

Собака начал старательно сжимать сухонький кулачишко. Ольга Николаевна, процедурная медсестра, ловко ввела иглу в набухшую вену, оттянула немного поршень шприца и, подождав, пока в шприце не закружится кровь, начала медленно вводить лекарство.

— А быстро можно? — попросил Собака.

— Можно, можно, — ответила Ольга Николаевна и сразу же ввела всю дозу.

Иванов, хорошо знакомый с этими штучками, подхватил Собаку, быстро вытащил из кабинета в коридор и крикнул:

— Следующий — Переверзев! Давай быстрее — сейчас Собаку жажнет!

Витька Переверзев пулей выскочил из кресла, на которое Иванов тут же усадил Собаку, уже начавшего млеть. Перед тем как окончательно забалдеть, Собака успел вытащить свободной рукой проспиртованную ватку из локтевого сгиба и сунуть ее под язык. Закрыв от удовольствия глаза, он молча сосал вату и блаженно улыбался. Смесь Петрова радостно бурлила в его крови и нестерпимо жгла весь организм от пяток до ушей. Таково действие горячих уколов при быстром введении препарата. В зависимости от особенностей организма, человек может ощущать головокружение «со звездами», ядовитый ментольный холодок в подвздошине и что-то там еще. Эффект, видимо, усиливался сочетанием горячих уколов с нейролептиками. Да плюс кусочек ваты с медицинским спиртом. Неудивительно, что больные все как один просили назначить им горячие уколы. Сначала шеф удивлялся такой активности и не возражал, но потом раскусил хитрость и стал назначать уколы, только видя в них медицинскую необходимость, но иногда — в виде поощрения.

После уколов персонал собрался на пятиминутку в кабинете начальника.

— Ольга Викентьевна, доложите обстановку по смене, — сказал Губанов.

— Вчера перед отбоем подрались Ботинин и Красиков.

— Причина?

— Из-за сигарет. Ботинин забрал у Серегина сигарету, которую тот нес Красикову.

— Почему забрал? У Ботинина полно сигарет в сестринской.

— По вашему распоряжению одна пачка сигарет из личных запасов больного выдается на два дня. Вероятно, Ботинин не рассчитал норму и поэтому забрал сигарету у Серегина.

— Перевести Ботинина в наблюдательную палату на место Барышева, а того вывести на отделение. Что еще?

— Больше ЧП не было. Утром склеили двести пятьдесят конвертов. Попов жалуется

на плохой сон.

- Попову назначить неуплетил на ночь.
- Усохин шесть раз проиграл Иванову в шахматы.
- Значит, расшевелили человека! — обрадовался Губанов. — Повторяю: реабилитация — великое дело!
- Отмени галоперидол — любой козлом заскачет, — шепнул Иванов Ольге.
- Что еще?
- Ян Кострин готовит новогоднюю программу, так что им с Демидовым каждый вечер нужна гитара.
- Хорошо. Что еще?
- Все.

На отделении почти никого не было — все гуляли. Накинув фуфайку и шапку, Иванов вышел в прогулочный дворик. С трех сторон дворик окружали стены отделения — буквой «П». Прямо напротив входа тянулся длинный забор, по верху которого змеилась колючая проволока. Дворик был забит прохаживающимися во всех направлениях больными. Инструктор Валентин стоял на крыльце, а напротив него, у забора, — Рыжий, он же Маленький немец: глухонемой комплекцией поменьше другого глухонемого: Большого немца. Инструктор с Рыжим перебрасывались пляжной «летающей тарелкой», которая плавно парила над головами, всегда точно попадая в руки то Валентину, то Рыжему.

Иванов направился к отдельно стоящей группе: это цыган Яшка, Генаха, Красиков и цыган Димка Щербицкий, ходячий шкафина с длинными, перевитыми веревками мышц руками и добродушной улыбкой на сильно смуглом лице. Он мог часами говорить о лошадях, у-шу и тяжелой атлетике. Все это Димка знал хорошо, но начав говорить об одном, перескакивал на другое, и получался невообразимый винегрет из лошадей, китайцев и килограммов железа. Сейчас он стоял на одной ноге, а второй медленно водил по воздуху, демонстрируя Красикову прием у-шу. Иванов легонько подтолкнул Димку в плечо, тот не удержал равновесия и налетел на Генаху, который завалился в сугроб, а сверху на него шлепнулся и сам Димка. Иванов тут же затолкал в сугроб Красикова с Яшкой и с криком «куча мала!» уселся сверху. Вывалявшись в снегу, закурили.

- Ты, Яшка, хлестался утром, что восемь раз подтягиваешься.

Яшка так хотел продемонстрировать это, что мигом натянул перчатки и завис на перекладине, наполовину не докурив дорожную американскую сигарету и отдав ее прокудившему мимо больному. Очумевший от такого щедрого подарка счастливец сунул сигарету в рот с таким видом, что не зря его маманя родила, но чинарик тут же отобразил кореша. Иванов, глядя на подтягивающегося Яшку, вспомнил «битву за турник».

Когда Иванов и цыган Димка, решив, что одной гири, имевшейся на отделении, недостаточно для занятий спортом и неплохо было бы поставить во дворике турник, подошли с этой идеей к шефу, тот не стал и слушать, мотивируя тем, что не в меру шустрые больные, по которым галоперидол плачет, запросто могут, забравшись на этот самый турник, сигануть с него через забор — и поминай как звали! Тогда Иванов с цыганом протащили идею турника через совет больных, договорившись с его председателем Саней Мотогооровым. Для шефа это был удар ниже пояса.

Он вычитал, что в каком-то московском реабилитационном центре есть совет больных, решающий всякие вопросы наравне с персоналом. Будучи приверженцем новых методов в психиатрии, Губанов организовал совет больных на отделении, назначил председателя и по праву гордился своим детищем. Совет плясал под дудку начальника и вдруг пошел наперекор по вопросу о турнике. Шеф, конечно, мог бы просто упразднить совет больных, но на том и кончились бы игры в демократию. А тут еще сестра-хозяйка подлила масла в огонь, заявив, что на турнике будет удобно выколачивать в банный день матрасы. И начальник сдался. Собрал «компетентную» комиссию, в чей состав входили Мотогооров, цыган Димка, санитар Сергеич и сестра-хозяйка, выбрал место в левом от входа углу дворика, так что и на крышу не влезешь, и через забор не сиганешь, и активисты поставили турник.

После обеда Иванов сидел в любимом кресле у сестринской. На отделении было спокойно. Больные клеили конверты. Из столовой доносился ровный гул голосов и шелест бумаги. Иванов очень любил этот послеобеденный час, когда можно было отдохнуть от беготни и суетолки. После трудотерапии половина больных завалилась вздремнуть на часок, а остальные будут либо курить в туалете, рассказывая невероятные истории из своего богатого прошлого, либо — сбивая «нетерпячку» — бесцельно слоняться по коридору. У многих были свои излюбленные маршруты: от кресла до ванной, от ванной до наблюдальки или же от наблюдальки до сестринской — вдоль всего отделения. По одному, по двое, по трое — они так могли бродить часами, если бы не

настойчивость Анны Николаевны, которая увлекала их шашками, шахматами, домино или же выносила маленький бильярд. За бильярдистами был нужен глаз да глаз, а то, чего доброго, проглотят шар или же раздерутся киями. Правда, был еще телевизор в столовой, он стоял в специальной нише и закрывался дверцами с замком, но телевизор, по распоряжению шефа, можно было включать в будние дни на полтора часа перед ужином и после ужина до окончания программы «Время».

Когда Иванов спрашивал у некоторых больных, где бы они предпочли находиться: в зоне или же здесь, — все они единодушно отвечали, что в зоне. Лучше, мол, пять лет там, чем два-три года здесь.

Перед ужином быстро выдали таблетки, затем быстро сходили за ужином, быстро покормили больных. Потом быстро-быстро попили чаю и стали ждать смену.

— Ботинков в наблюдальке, Барышев на его месте в пятой. Больше новостей нет, — сказал Иванов Сергеичу, сдавая смену, и двинул в сторону дома.

На улице неожиданно потеплело. Серый упругий ветер нанес откуда-то с запада рыхлые облака, из которых сыпал мелкий колючий снежок. Начиналась метель. Редкие пока еще снежинки кружились под фонарями, переплетаясь в каком-то причудливом хороводе. «Вот так же и люди, — думал Иванов, ежась от порывов внезапно налетавшего ветра. — Крутятся, вертятся... Некоторые сталкиваются между собой, некоторые и в глаза друг друга не видят. А в итоге — всем им лежать на земле. А смысл? — тут он задумался, достал сигарету и, закрываясь от ветра, прикурил. — А смысл, видимо, в том, чтобы от рождения и до падения на землю испытать радость полета. Вот это и называется, блин, жизнью...»

Он шел домой, ловил ртом снежинки и чему-то улыбался. Кончилась еще одна смена. Еще один маленький шагок в длинной веренице рабочих будней.

* * *

«Сегодня ко мне опять, после двухлетнего перерыва, приходил Он. И, как тогда, опять ненадолго. Но в этот раз Он не только смотрел на меня своим странным неземным взглядом. Теперь Он начал говорить. Не знаю, чем он разговаривает, но слова доносились четко, хотя ни одна складка Его лица не шевелилась. И голос — ласковый, журчащий, словно веселый ручеек в полуденном лесу. Я не знаю, кто Он — человеческое существо или необычный, диковинный зверь. Во всяком случае, Его глаза чем-то напоминают глаза нашей кошки. Сегодня Он рассказывал мне о себе.

Тысячелетиями дремал Он в бездонных глубинах времени. Потом, начав просыпаться, веками блуждал по дну океанов среди странных светящихся рыб с выпученными глазами. Он набирался у них мудрости. Проникал в огромные жемчужные раковины, наблюдая, как из крошечной песчинки за несколько веков рождается чудо, по своей стоимости превосходящее все вместе взятые сокровища мира.

Он мрачно резвился в таинственных подводных гротах среди водорослей и кораллов, принимая немыслимые очертания. Он строил прекрасные, не поддающиеся описанию города в бездонных океанских впадинах. А потом походя разрушал творения рук своих. Он не знал — зачем это было нужно. Наконец, Ему надоела молчаливая мудрость кошмарных учителей, и Он перебрался выше. И каково же было Его удивление, когда Он обнаружил, что помимо мрака есть свет, а кроме воды — воздух. Он ринулся на сушу как завоеватель. С жадным любопытством Он прикинул ко всему: к молчаливому замшелому камню, к пробивающейся на свет травинке, к проносящейся мимо ласточке. Он обнаружил древние могильники исчезнувших навсегда цивилизаций. Камни поведали Ему такие тайны, от которых любой историк схватился бы за голову. Иногда Ему казалось, что Он уже был здесь когда-то, и по мере проникновения в суть вещей Он убеждался в этом все больше и больше. Он просачивался в самые заповедные уголки гробниц и пирамид и вел нескончаемые беседы с мумиями давно ушедших царей, царьков и других смертных. Он постигал тайны различных религий, и Ему захотелось встретиться с их основателями. В запредельном пространстве Он отыскал Конфуция, Заратустру, Будду, Христа и многих других. Чему они Его научили — Он так и не сказал...

Но вот Он пришел ко мне. Зачем? Почему Он выбрал именно меня? Для чего? Что Ему нужно?..»

Глава 3. БОТИНОК

Ботинков валялся на шконке и угрюмо размышлял над перипетиями прошедшего дня. То, что его кинули в наблюдальку, — нисколько не удивило. Да и не привыкать, в общем-то. Покантуется две-три недели — и за примерное поведение кум выведет обратно. А если и не захочет выводить — что ж! Долболобов на отделении хватает. Да и должников из чертей — целая куча. Только шепни Собаке или Быку — они такую бузу замас-

тырят, что хоть все отделение в наблюдальку переводит! По оконцовке должникам скостится по пачке сигарет, а ему вновь будет светить любимая шконка в углу пятой палаты. А то, что бузотеров будут мослать аминазином и галоперидолом, его нисколько не волновало. Ботинок все просчитает. Ботинок — умный! Не чета этим шизанутым и олигофренам. Шизики «ловят голоса» и балдеют, а олигофренам везде хорошо. Он вспомнил Мору и усмехнулся. Как бывает хорошо — собрать кучу народа и подкалывать этого тупого цыгана. Спросишь — где живешь? Говорит, что в Череповце. А где Череповец? И тут Мору замыкает. Клинит по ходу. Сидит и думает. Не знает, что есть такая Вологодская область. Или же спросишь — кто такой Гитлер, например. Гитлер? Да, говорит, есть у нас один цыган — Мишка Гитлер. В красной рубашке ходит. А с кем война была? А с кем-то, говорит, была. А давно? А, пожалуй, давно. Все, естественно, хохочут, да и Мора с ними заодно. Элементарных вещей понять не может. И читать совсем не умеет. Мокрушник чертов. Просил у матери чирик на водку, а та уперлась, он ей поленом по кумполу — и сапоги с нее снимать. Знал, где она бабки штырит. Полтинник надбал и с дядькой всю ночь квасил, причем у дядьки же и водку покупал. А утром пришел — мать уже холодная. Другой бы закопал втихушную, а он, кусок кретина, скорую вызвал. Те — мусоров. И амба.

Мокрушников на отделении хватает. Один жену в припадке ревности пошинкует, другой — как, например, Леня Пучкис — троих соседей за обобранный куст смородины голыми руками придушит... А Ботинок не такой, нет... Он никогда не пойдет на «мокрое». А все почему? Да потому, что Ботинок умный. Таких, как он, на отделении всего двое — сам Ботинок да еще этот Витька Гульков. Они не шизики и не френики. У них особая болезнь — эпилепсия. Даже среди «шишкарей» всяких эпилептиков хватает. Артисты там, политики... Это Ботинку его лечащий врач говорил. Еще на воле. И лекарства они с Витькой получают специальные: бромиды там всякие, люминал. Правда, по залету могут назначить и «галабабол», как обзывает Собака галоперидол. Но это, конечно, меры временные. Попринимает недельку — и баста. Засунет за щеку кусочек мыла, подергается пару минут на полу, пену пустит, и вот вам — классический припадок эпилепсии. И сразу же — ни галоперидола, ни аминазина... Умеючи все надо делать. А Ботинок все делает умеючи. О, только б вырваться побыстрее отсюда! И тогда он всем покажет! Все узнают — кто такой Ботинин...

Выйду — может, в «коммерсы» подамся. Башка вроде варит — вон пол-отделения в должниках ходит. Или снова к корешкам пойду. Правда, маманя опять на мозги будет капать — иди, мол, на завод устраивайся. Но матери можно объяснить, что в гробу он этот завод видел. За копейки на нем горбатиться. И так там три года проработал — хватит! И батька на том же заводе гробанулся. Нет, Ботинок найдет себе дело по душе. Да и в деньгах еще будет купаться. Только бы вырваться. Комиссия будет уже в марте, а там еще месяца четыре на «тихом» отделении — и домой. И так уже два с половиной года здесь кантуюсь. И все из-за какого-то вшивого телевизора. Люди вон миллионами хапают — и то меньше сидят. И на фиг мне этот телевизор сдался? И всего-то за четыре пузыря ушел. А шуму-то было... Не лабаз ведь на уши поставил и не кассу подломил, а вот — пожалуйста! Нет, на такую мелочевку больше в жизни не поведусь...

Да, не забыть корешкам письмецо отправить. Что с того, что письма здесь кум проверяет? Через кума я матери пишу. А нелегальные послания уходили с санитаром Женькой. Только вот косяков напорол он — пришлось увольняться. Кум достал. Но Ботинок быстро заделал брешь. Снюхался с новым санитаром из Ольгиной смены — Андреем зовут. Тезка, значит. Вели на прогулках и вечерами душевные беседы — «за жизнь». Он тоже деловым хочет казаться, хотя на самом деле — валенок. К таким легче всего подход найти. Вот только эти старые санитары — Валера и Сергеич — даже близко к себе Ботинка не подпускают. Презируют втихаря. Ну и пусть себе презируют. Тронуть-то все равно не могут. Да еще Иванов. Тот вообще себе на уме. Подойдешь, поговоришь — все вроде чин чинарем. Все по-людски. Но в конце скажет что-нибудь такое, что потом дня два себя дураком чувствуешь. Тоже, видать, не уважает. Ну и черт с ним. Главное, что на Ольгиной смене лопушок есть.

Кстати, об Ольге. Надо будет заняться ей, когда выйду отсюда. Клевая телка! Блин, пока сижу здесь, только она одна и мерещится ночами. Такая свежая девочка, красивая, умная... Все отделение на нее западает. Если б на кухне брому в компот не подмешивали, чтоб меньше хотелось, то не знаю, что и было бы. Но когда мужики по несколько лет бабы не имеют, то и на бром по фиг. Конечно, плохо без бабы-то. Некоторые умудряются время от времени немцев поймать, но очень редко. Санитары, мать их, следят. На спецу насчет этого не в пример лучше. Но на спец раскручиваться — нет уж, дудки! Хотя там и чифирку можно хапануть, и с педиками за пачку курева договориться, но санитары у них такие... Мужики говорят, что чуть чего — и метелят по-черному. Слова поперек не скажи. И контингент там... Не то что здесь — черти все какие-то.

Конечно, и тут есть своя верхушка: Мотогоров, Димка, Яшка с Генахой. Но с Ботинком не кентуются. Но и против тоже не идут. Позволяют жить так, как он того хочет. Есть еще Глушак — но он одинокий волчара. Самый здоровый на отделении. Против него никто не рыпается. Один Димка, пожалуй, и заламает его за счет приемчиков всяких. Да и то вряд ли. Глушак дикий какой-то. И кроме Иванова ни с кем не общается. Вообще ни с кем. И чем это Иванов купил его? Может, тем, что сильнее? Морпех, мать его... А Женька как раз таких и уважает. И вообще — многое сейчас на отделении в Иванова упирается. И возле Ольги он крутится постоянно, когда смены совпадают. А Ольга-то! Чуть не по полу от него растекается. На своей смене хмурая ходит, а как с Ивановым, так и расцветает вся. И Галина с Леной, санитарки, обе молоденькие, но уже замужем, а все равно на него косятся. Хвостами подкручивают. На меня бы так косились — уж я бы ни за что не упустил! Нет, пора Иванова убирать отсюда, а то он все отделение к рукам прибирает. Незаметно так, втихаря. То с Яшкиной компанией балдеет, то с чертями возится — и не поймешь его. Пора начать постукивать на него куму. Потихоньку так, без свидетелей. А кум пусть выводы делает. Глядишь, к весне Ивановым тут и пахнуть не будет. И тогда все перед Ботинком на задних лапках бегать начнут. Все. Все.

Глава 4. МАЛЫШ

На дальняк зашел новенький. Обе скамейки были забиты курившими мужиками. Прищурился близорукие глаза, он попытался рассмотреть что-нибудь в густом дыму. Но с таким же успехом он мог бы пробовать ночью в туманном лесу собирать рыжики, причем без очков.

— Не найдется ли у кого закурить? — наконец, вежливо осведомился он.

Больные возмущенно загудели:

— Ну, дает, длинный. Мы и сами-то на подсосе сидим, хапчиками перебиваемся. А он, видишь ли, закурить просит! Это тебе, приятель, не дома. Тут пачку на два дня дают. Да и то только тем, у кого есть. Так что иди себе, раб божий, и не зарывайся! — и больше не обращая на новенького никакого внимания, углубились в прерванные разговоры.

Но Юриков уходить не собирался. Виноватая, просящая улыбка на его лице постепенно сменилась на хищную усмешку. Он хотел курить. Он дико хотел курить. Заметив в самом углу, где было поменьше дыма, Яшку с Генахой и вспомнив недавний разговор с Киселем, который объяснил ему, кто есть кто на отделении, он решил пойти ва-банк.

— А я вам, канальи долбаные, начну сейчас через одного головы откручивать, — проговорил он негромко, но убедительно.

В туалете тут же наступила полная тишина. С одной из скамеек поднялся Сашка Орлов, здоровенный сорокапятiletний мужик.

— Да я тебя, щенок, сейчас головой в очко засуну, да еще и полью сверху, чтоб еще длинше вырос, — и, поднеся к носу Юрикова кулак, размерами напоминающий небольшую дыньку, спросил: — Чуешь, гад, чем пахнет?

— Смертью, — не переставая улыбаться, ответил Юриков. — Но только твоей! — и быстро вытянув длинную ногу позади Сашкиных ног, молниеносно толкнул его в грудь. Орлов с оглушительным грохотом упал на спину, крепко приложившись затылком о порожек.

— Ну, гад!.. — прохрипел он, пытаясь подняться и держась одной рукой за затылок. Второй он лихорадочно лапал скользкий кафельный косяк, пытаясь отыскать точку опоры. — Ну все... Сейчас я тебя убью!

С одной из скамеек начали медленно подниматься Сашкины кореша. Яшка с Генахой переглянулись, помня наказ Иванова присмотреть за новеньким.

— Ша, черти! — заорал Генаха. — Сели все на место! А ты, — он посмотрел на сидящего рядом Цветаева, — свинтил отсюда! Малыш сюда сядет.

Яшка подвинулся на место Цветаева, который уже стоял в углу, освобождая пространство между собой и Генкой. Орлов — как ничего и не было — уселся на противоположную скамейку. Юриков занял предложенное место.

— Говори, — потребовал Яшка, — зачем мужика обидел?

— Курить хочу.

— Ясно, — вздохнул Яшка. — Гена, выдели.

Генка, протягивая новенькому сигарету, не удержался и спросил:

— Зачем варенье лил своей бабе на г-голову?

Юриков усмехнулся — вот ведь, все уже знают! Не спеша, приткнулся к Генкиной сигарете и с наслаждением затянулся.

— Да забухали мы с санитаром на судмеде — вот пьяный и был.

У Яшки с Генахой сразу же заблестели глаза.

— В-водку забухали? — спросил Генаха. Слегка приоткрыв рот, он с нетерпением ждал ответа. Надо же — он сидит рядом с человеком, который всего три дня назад забухал!

— Не-а, — лениво потянулся новенький. — Спиртягу бодряжили.

— О-о!..

Авторитет длинного сразу же вырос на несколько пунктов.

— Н-ну, а с бабой-то, с бабой-то чего? — не отставал Мосейкин.

— А отлупил — да и все проблемы. Курева мало принесла — всего две пачки. Да варенья со сгущенкой.

— Сгущенку-то не вылил хоть? — заинтересовался Яшка.

— Нет. Открыть не сумел. А то бы и вылил!

— Дак сюда подогнал?

— Естественно...

— Лафа! — зажмурился Яшка. — Сгущенки хоть поедим.

Юриков тонко усмехнулся. Вот и он уже почти принадлежит к сливкам местного общества. Как все просто! Тут он заметил, что на чинарик в его руке глядит голодными глазами тот самый Сашка Орлов. Тогда он нахально посмотрел ему в глаза. Примерно догадывался, что будет дальше. Чинарик быстро дотлевал, и Юриков специально не затягивался — ждал. Наконец Орлов не выдержал, видя, как такой дефицит уходит на ветер. Он чуть привстал со скамейки и, ловя взгляд Юрикова, выдавил из себя:

— Покурить не оставите?

Новенький довольно усмехнулся — все сошлось.

— А какой сегодня день?

— Четверг, — слова давались Орлову с великим трудом.

— Ну, тогда кури. По четвергам я добрый, — и протянул окурочек Орлову.

Тот проглотил и это и, схватив чинарик, плюхнулся на место. Сразу же раздалось несколько голосов:

— Александр, покурим?

Яшка с Генкой восхищенно посмотрели на новенького.

— Ловко ты, Малыш, вписался!

— О, кстати, — заинтересовался тот. — Откуда про Малыша знаете?

— А нам Граф сказал.

— Кто это?

— Санитар, который сегодня на смене был.

— Это в очках? Тот, что наблюдалку пас?

— Да нет, наоборот — здоровый который.

— А-а, — протянул Юриков. — Этот мудака-то...

— А чего это мудака-то? — удивился Яшка. — Нормальный мужик. И поговорит с тобой, и научит чему. Приемчики разные показывает.

— А почему Граф? — «перевел стрелки» Юриков, видя, что мужики санитару уважают. — Потому, что анахронизмами всякими выражается? Сударем меня на подъеме обозвал...

— К-какими еще... херизмами? — изумился Генаха. Юриков засмеялся:

— Анахронизмы — это словечки всякие старинные.

— А-а, — протянул Мосейкин. — Точно — любит он словечки разные.

— Так из-за этого? — не отставал Малыш.

— Да нет, совсем наоборот. С-сначала мы его Телеграфом звали — длинный потому что. Но это долго слишком. Вот и сократили.

— А он знает, что его Графом зовут?

— Вряд ли. А ты п-попробуй — назови. А мы посмотрим. Издалека только...

— Ну, уж нет! — усмехнулся Юриков. — Давай еще курнем?

— А кстати, — вспомнил Яшка, — варенье-то какое было?

— Клубничное.

Глава 5. КОЛОБОК И ГЛУШАК

— Будь здоров, боярин! — Собака, Жир и Хорь, как обычно, встречали Иванова в дверях отделения.

Он достал сигарету.

— Исчезли...

Радостно толкаясь и топая, как стадо бенгальских слонят, больные скрылись в туалете.

На отделении было людно. Иванов, ловко лавируя между больными, стремительно шел вперед, не хотел задерживаться, но у самых дверей сестринской остановиться все

же пришлось. Его там перехватил Колобок, выскочивший из первой палаты.

— Александр Владимирович...

— Потом, потом, Валера.

— Нет, вы скажите, ко мне действительно вчера сестра приезжала на свиданку?

— А у тебя есть сестра?

— Нет... Но кто-то приезжал? — Колобка нисколько, по-видимому, не смущало то, что его решила проведать несуществующая сестра.

— Валерий Федорович, я вчера просто пошутил. Неудачно пошутил. Извини. Хорошо?

— А знаете, я еще в детстве мечтал все время, чтоб у меня сестренка была... Младшенькая.

— А зачем? — подозрительно спросил санитар. Он сразу же вспомнил, что Колобок и находится-то здесь за попытку изнасилования двух малолетних девчушек. Сестер близняшек. Вспомнил разговор с инструктором Валентином, который с дрожью в голосе говорил, что таких, как Колобок, сразу к стенке ставить надо. У Валентина росли две дочки.

— Я бы ей косы заплетал. Защищал бы от хулиганов.

— Ладно, Валера, не расстраивайся, может, мать на выходные приедет. Иди к мужикам. Не замыкайся. Все хорошо будет.

Колобок побрел в столовую, а Иванов прошел в сестринскую, расписался в журнале и вернулся на гудящее голосами отделение. Смена началась.

После завтрака Иванов расположился в любимом кресле у сестринской. Рядом с ним околачивались Яшка с Генахой, Димка Щербицкий и Мора. Яшка взял из сестринской гитару и пытался ее настроить.

— Не так настраиваешь, — заметил подошедший из наблюдалки Юриков.

— Ты кто, парень? — подозрительно спросил Димка. — Откуда умный такой?

— Димка, д-да это Малыш, — сказал Генаха. — Мы говорили тебе уже.

Иванов развернулся к Юрикову.

— А вы, молодой человек, что здесь делаете? Кто вас из наблюдалки выпустил?

— А я за бумагой к медсестре пошел. Письмо катануть надо.

— Ну, так идите и пишите, мистер Всезнайка!

Длинный отправился стучаться в дверь сестринской.

— Он вчера Орлова п-подкосил, — сказал Генаха. — На дальняке.

— Да? — заинтересовался санитар. — Говори! — Генаха с Яшкой, перебивая друг друга, начали рассказывать. — Интересно, — пробормотал Иванов. — Значит, курить хотел? Веселенького пионера к нам подсуетили!

Мимо проходил Колобок, остановился, о чем-то подумал, спросил:

— А как ее зовут?

— Кого?

— Сестру, которая приезжала вчера.

— Наташа! — не подумав, ляпнул Иванов.

— Точно! — обрадовался Колобок. — А сколько ей лет?

— Тридцать два.

— Правильно! И как я мог забыть, что Наташке уже тридцать два? Она же на семь лет моложе...

Иванов не на шутку встревожился, а Генка с Яшкой заржали.

— Тихо! — шикнул на них санитар. — Валера, ну нет же у тебя сестры! Чего ты меня путаешь?!

— Александр, раз вы сказали, приезжала, — значит, приезжала. А я даже и не видел ее. Чего же это мне санитары свиданку-то не дали? — обратился он к мужикам, как бы ища у них поддержки, и, расстроенный, побрел в палату.

— У пассажира период пошел.

— По фиг, — усмехнулся Генаха. — Здесь каждый день кто-нибудь с катушек со-скакивает.

— Помолчите. Думать буду. Колобок на сестру повелся, которой у него отродясь не было...

— По фиг! — Генаха недобро оскалил зубы. — В зоне бы ему такую сестру показали... Над малолетками издеваться — это не хухры-мухры.

Иванов встал и прошел в первую палату. Ничего не видящий Колобок яростно вышагивал между четырех кроватей — от окна к проему и обратно. Иванов подошел к нему и, надавив на плечи, усадил на кровать.

— Валера, так все-таки есть сестра?

— Есть, — убежденно ответил Колобок. — Вы же сами сказали. Наташа ее зовут. Я и сам помню же...

— Ты пока посиди здесь, а я сейчас приду. Договорились?
Колобок ничего не ответил. Тупо смотрел в одну точку на стене. Иванов быстро прошел в сестринскую и сообщил Ольге:
— У Колобка крыша съехала.
— А где и работаем...
— Я серьезно, Оля. Может, аминазином подлечим?
— Буйствует?..
— Нет. Помнишь, я его вчера с кресла сгонил?
— Сигнал, — автоматически поправила она. — Помню. Еще сказал, что сестра на свиданку приехала.
— Правильно. Теперь такой вопрос — есть у него сестра? Нет. То есть вчера еще не было, а сегодня уже — вот она! Причем зовут Наташа, и ей тридцать два года.
— Как он?
— Бегает по палате. Только что из тапочек не выпрыгивает. Расстраивается, что свиданку зажилили. Почему, Ольга Викентьевна, вы не дали больному Колобкову свиданку с несуществующей сестрой? Нехорошо это — топтаться на лучших чувствах пациентов.
— Шефу позвоним — пусть решает.
Через десять минут Иванов отвел Колобка к шефу.
— Посадите Колобова, а сами присядьте сзади.
На столе у шефа лежала раскрытая история болезни. Он отошел к столику в углу и начал заваривать чай. Иванов усадил Колобка и сунулся в историю болезни. Заключение комиссии гласило: «Маниакально-депрессивный психоз на почве сексуальных извращений в прогрессирующей форме. Необходима изоляция от общества». «Формулировочка!» — восхитился санитар и сел на стул.
— Ну-с, Валерий Федорович, рассказывайте...
Колобок сидел как зачарованный. Иванов ткнул его пальцем в бок. Колобок встрепенулся, завертел головой и, глотая окончания слов, быстро-быстро заговорил:
— Андрей Андреич, ко мне вчера Наташка приезжала — почему свиданку не дали? Сестренка младшая... Ни разу в жизни не видел, а вы свиданку не даете. Не на тюрьме же!
— С чего вы взяли, что к вам приезжала сестра?
Колобок задумался.
— Это я ему сказал, — нарушил молчание Иванов. — Расшевелить хотел...
Шеф поглядел на санитаря так, как если бы сказал: «Вот и расшевелил!»
— Правильно! — вспомнил Колобок. — Это мне Александр Владимирович сказал. А потом говорит, что не моя сестра была — перепутал, мол... Но я-то сразу сообразил, что Наташа приходила. А вы свиданку замылили...
— А какой вчера был день?
— Издеваетесь, как хотите...
— Какой вчера был день недели? — переспросил шеф.
Колобок схватился рукой за нос и, подумав, осторожно предположил:
— Понедельник?..
— Нет, Валерий Федорович! — восторжествовал Губанов. — Вчера был четверг, — и быстро записал что-то на листке бумаги. — А свидания, если вам известно, даются у нас только по выходным дням, то есть по субботам и воскресеньям. Так что даже если и допустить, что к вам кто-то приезжал, то свидание было не положено.
— Но ведь Наташа...
— А почему вы решили, что ее зовут Наташа? — спросил шеф, обходя слово сестра.
— Как это почему?! Она и есть Наташка. Тридцать два года, на семь лет моложе...
— Валерий Федорович, а вам сколько лет?
— Сорок три! — не задумываясь, выпалил Колобок.
Шеф снова начал что-то записывать, а Иванов вздохнул:
— Это опять же я сказал.
— Что? — не понял Губанов.
— Что Наташа и что тридцать два...
Шеф даже ручку отложил.
— Дошутились, Александр Владимирович.
— Кто ж знал, Андрей Андреевич?
— Все предусмотреть нельзя, но в каждой шутке должна быть толика юмора, иначе это будет уже не шутка, а издевательство... — («Во дает!» — изумился Иванов). — Вот видите, до чего могут довести такие непродуманные, грубые шутки.
— Виноват, Андрей Андреевич, — расстреливайте...
Шеф негромко засмеялся.

— Молодец, Александр Владимирович! Именно здоровый юмор и отличает психически больного от нормального человека.

— А если юмор нездоровый? — подколот Иванова, почувствовав, что гроза миновала.

— Ладно, хватит острить. Пригласите Ольгу Викентьевну.

— А?.. — Иванов кивнул в сторону Колобка.

— Ничего. Он уже успокоился.

Иванов вышел, а шеф снова принялся гонять Колобка:

— Какой сейчас месяц? Правильно, декабрь... Но у вас нет сестры... Это санитар пошутил... Как зовут вашу мать?.. Сколько будет шесть и пять?.. Правильно, но у вас нет сестры...

Ольга сидела в кресле и, улыбаясь, слушала Яшку, певшего под гитару. Вокруг расположились Мора, Генаха, Димка и больше пялились на медсестру, чем внимали пению.

— Ольга Викентьевна, к шефу.

Подошел Глушак, у которого был свободный выход из наблюдки.

— Саня, письмо вот написал. Почитаешь?

После первых же строчек Иванов скривился, скомкал письмо и швырнул на подоконник.

— Жалкая подделка под Иванова. Ну, сам посуди, что ты здесь нагородил?

— А и хорошо написал, душевно вроде, — предположил Глушак.

— Душевно? И это ты называешь — душевно?! — санитар схватил с подоконника письмо, расправил его и, отыскав нужную строчку, зачитал: «Моя любовь трипеща крылами как белый голубь, несет тебе в клюве весточку о моем освобождении, подобно лучам заката освещающим путь без домному бродяге...» Ну, что это такое? У тебя получается, что любовь несет в клюве весточку, а «подобно лучам заката» — вообще ни в какие ворота не лезет! И при чем здесь бродяга?

— А к слову.

— Бери бумагу и ручку, пиши... «Здравствуй, Лена! Никак не могу понять, что в последнее время со мной происходит. Хожу — думаю о тебе, валяюсь на шконке — в мыслях ты, сплю — только ты и снишься. Наверное, это и есть любовь. Когда дня не можешь прожить, чтобы каждую минуту не думать о тебе. Где ты?.. Что ты?.. Никак не могу определить ту невидимую грань, за которой теряется привязанность и начинается любовь. Где же та пропасть, в которую нужно упасть и, качаясь на веревке, что тоньше волоса, увидеть вдруг руку, протянутую любимым человеком? Увидеть в его глазах страх за тебя, мольбу, отчаяние... Где та вершина, на которую нужно взобраться, чтобы прокричать на весь мир о том, как я тебя люблю? Хотя, нужно ли оповещать об этом Вселенную? Достаточно и того, что мы знаем о нашей любви...» — вдохновенно диктовал Иванов, а Женька, поминутно стряхивая со лба капельки пота, быстро строчил по бумаге: — «Когда два сердца тянутся навстречу друг другу, когда две души переплетаются в медленном вальсе жизни, а время неумолимо отсчитывает такты, словно опытный дирижер...»

— Саня, подожди, сейчас рука отвалится!

— На лодке катал ее?

— Катал.

— По какой реке?

— По Пучкасу. Я ее на тот берег увез и там того...

— В первый раз?

— Ее — в первый.

— Пиши! «А помнишь ту ночь на Пучкасе? Разлившуюся по воде лунную лестницу с перилами из хрустальных звезд, которые можно было собирать в ладони? Белоснежные лилии в подвенечных нарядах, ведущие свои бесконечные разговоры о любви и испуганно замолкавшие при нашем приближении? Мы отдали им это право — говорить о наших чувствах. Мы больше молчали. Да и к чему были слова, когда этой ночью в дело вмешалась сама Госпожа Любовь? Я ловил блеск звезд в твоих глазах, чувствовал биение твоего сердца, пил твою обнаженную душу, ощущал ток жизни, струящийся по твоим венам. Сводник соловей, притаившийся в ивняке, самозабвенно венчал нас той ночью. Лучшего священника и не придумать... Полевые ромашки были твоими свидетельницами в эту первую нашу ночь. Великий Космос затаил дыхание, пораженный нашей любовью. Ты шептала, словно в бреду...» Что она шептала?

— А ничего. Кричала, что больно ей.

— Закругляйся, пиши: «Когда я вернусь, мы с тобой обязательно сходим на то место и посадим там березку — символ чистоты и святости. И пусть она каждую весну наливется любовным соком в память о нас».

Глава 6. ЦИРКАЧ

Костя Голубцов по прозвищу Циркач переминался с ноги на ноги в тапках на босу ногу. Курточка застегнута не на те пуговицы, отчего ее перекосило, а из-под нее выбился кончик белой нижней рубахи.

— Чего это ты такой расхристаный бегаешь? Ну-ка, приведи себя в порядок, да и расскажи чего-нибудь.

Костя исправил погрешности туалета и начал:

— Я в пятьдесят четвертом годе ведмедя завалил. Не дадут соврать: Мишка Копейкин, Кузнецов Константин Николаевич — шофер с МТС, Виталий Никтополеонович — покойничек, царство ему небесное... — начал перечислять Костя своих бывших соседей по деревне.

— Прохоров Алексей Гаврилович — инвалид фронтовой, Сережка племянник, — подхватил Иванов. — Я всех твоих свидетелей, кто «не даст соврать», наизусть помню. Ты лучше про ведмедя толкуй.

— Я и говорю: Прохоров Алексей Гаврилович, Сережка племянник, вот хрест святой, не дадут соврать! Посылают меня жены за лесинной...

— Какие жены на этот раз?

— Голубцова Антонина Степановна, Хрущева Татьяна Никитовна, Сулова Анна Михайловна, Пельше Ядвига Арвидовна... — перечислил Голубцов, загибая трясущиеся, с трудом гнущиеся пальцы. — Ну вот, отсекаю я эдак-то с топором, а встречу пионеры шарашатся: Митьки Петрова сын...

— Дальше, — перебил Иванов. — Без подробностей.

— Ну, кричат, значит, что ведмедь шлендает по оврагу. Я домой — за ружжом. А патронов-та и нет. Я к Ваське суседу, за жаканами. Он два дает. Я быстрее к оврагу. И пионеры за мной — Митьки Петрова сын...

— Дальше!

— В овраге ведмедя, значит, нет уже. Мы в лес. Вот он, батюшка! А и здоров же, ровно лешак! Я патрон заряжаю и в бошку ему — хрясь! А отгеда — дробь! Васька-от надул, сволочь. Пионеры, как горох — врассыпную... А я думаю себе — помирать, так с музыкой! Вгоняю второй патрон — и по буркалам ему, по буркалам! А он бежит, орет, а остановиться-то не может. Но сразу видать — очумел. Я ружжо-то в сторону — и топор из-за кушака. А сам за березу мырнул. Он мимо проносится — морда в кровище, из роту пена... Я его пропустил чуть и сзади топором по-за уху — шварк ему! Он так-то и завертелся, голубок! Минут двадцать не мог отойти — все подпрыгивал и рычал чегой-то. Пионеры по нему из рогаток пуляют...

— Чем?!

— Шишками! — выкрутился Костя.

— А и здоров же ты заливать, дед! — захохотал санитар.

— Вот хрест святой... — забожился было Костя, но передумал. — А покурить оставите?

— Оставляю, оставляю.

— Спасибо, Александра Владимырыч! Вы богобоязненный человек. И крестик освященный носите, и соборы, церкви, синагоги и мечети не разрушаете. И за мир во всем мире боретесь. Дай вам бог счастья и здоровья, вам, вашим деткам и женам, вашим уважаемым родителям, за то, что вы циркачей и циркачек уважаете, не хулите их понапрасну, заборов у святых храмов не ломаете, не то что нехристи, которые ломают святые церкви, рушат синагоги, поджигают заборы у храмов. Обливают кислотой святые нерукотворные иконы православной и мусульманской веры. Запрещают молиться, веровать в Господа нашего. Козлы все! — неожиданно подытожил Голубцов.

— Святые нерукотворные иконы мусульманской веры? Вот это, дед, сильно!

— А вы, Александр, боголюбивый человек и санитар. Не изгаляйтесь над верующими. Уважаю я вас. Дай вам бог здоровья!

— А также Жеребцову, богу Поддубному, Дурову...

— Святые, непорочные люди. Истинные циркачи. Полубоженята...

— Константин Васильевич! Сколько раз говорить: не циркачи, а церковники: служители церкви, а не цирка... Но кто же все-таки Поддубный — бог или полубожененок?

— Поддубный — Божище, а полубожененок — это вы, Александра Владимырыч. Я и отца вашего, Кузьму Никитича Сомова, хорошо знал. В одной деревне жили. И матушку вашу — Апполинару Борисовну, и брата ее единоутробного — Зиновья Феоктистовича. Всех знал! — «полубожененок» Иванов вытарачил глаза, таких «фишек» он от Кости еще не слышал, а Костя продолжал: — Поехал я раз в город на телеге, а в кустах

уполномоченный с наганом засел. Как раз потребилровку кто-то ночью ограбил. А я там, в городе, с огородником одним договорился: я ему две телеги назма, а он мне поросенка за это. Ну, еду я, значит, потихоньку себе, крещусь, женок своих вспоминаю... Вдруг выскакивает уполномоченной-от. Наганом машет, лошадь под уздцы хватает. Я мужик-то здоровый был — не то что сейчас. Кнут с передка достал и сажу, жду, чего и скажет. А он говорит, что потребилровку я на уши поставил и все награбленное в телеге прячу, под навозом. Бери, говорит, вилы и весь навоз скидывай. А я его знал немного — он святой храм в Погорелке взорвал лонись. Сука ты хорошая, говорю, мало тебе того, что святые храмы, соборы, синагоги и мечети рушишь, — Костя закрестился, — так еще и назем тебе скидывай?! Размахнулся кнутом хорошенько да по башке ему и залепил. Убил, на хрен, с одного удара! У меня в конце-то свинчатка была заделана. Он даже и пистолетик поднять не успел.

— Не побоялся, значит, грех на душу взять, а, Костя?

— Какой же это грех, Александра Владимирович? Это, наоборот, на Божьем суде мне зачтется. Нехристя ведь порешил.

— И что тебе за это было?

— А ничего и не было. Я его в навоз засунул, да и поехал к огороднику. Тот говорит — сгружай, мол, да и выпьем с устатку. Я его прямо в огороде и закопал. До сих пор не нашли.

— Значит, с одного удара? Убил-то?

— Истинный хрест святой — с одного!

— А ты, пожалуй, Константин Васильевич, курить ведь хочешь?

— Очень сильно хочу, Александра Владимирович!

— Так, значит, батюшку мово, Кузьму Феоктисовича, знал хорошо? — санитар протянул Косте сигарету.

— Кузьму Никитича, Александр. А Зиновей Феоктисович — это матушки вашей, Апполинарии Борисовны, брат. Набожная, богобоязненная была женщина. Полуангелица...

— Да ладно тебе! Бери сигарету и иди кури!

Костя-Циркач схватил своей куриной лапкой сигарету и убежал.

Глава 7. НОВЫЙ ГОД НА ТРЕТЬЕМ ОТДЕЛЕНИИ

На отделение пришел новенький — некто Федотов, с новгородского «спеца». Тощий, невысокий, с большой головой и себе на уме. Мужикам на дальняке хлестанул, что прежде чем довелось познакомиться с психиатрами, отсидел в общей сложности семнадцать лет. Пораскрывавшие рты мужики слушали о его похождениях.

— Гужуюсь как-то у Финбана, а мимо пассажир два угла прет в электричку. Я в тот же вагон. Доехали до Лемболова, и пока он в большой угол за хавкой ползал, я маленький-то и вертанул. Чемоданишко хоть и мелконький, но увесистый. Развел, короче, карся по полной. Подорвался из вагона — и к лесу, к прокурору зеленому. Там замочки вскрыл гвоздиком — мать честная: хрусты, рыжье... Помянул я того ффраера добрым словом, денежки на карман, а чемоданишко с золотом под кочку на болоте притырил. Место запомнил. Ну, с такими деньжищами — как не гульнуть? Сажусь на встречную — и на Загородный в «Тройку». Снимаю шкуру, пою ее, кормлю, а она, задрыга, по концовке бомбанула меня — и ну на выход ломиться. Я по карманам. Хрен там — сплошной голяк! Я за ней, а за мной холуй — не заплатил, мол. Я кричу — шкуру цепляйте, у нее баблы! А они ласты мне клеят. Ну, тут я стул схватил и повеселился. Трешник «лесник» на суде накрутил. Ну, треху отмотал, откинулся по звонку от хозяина — и на болото. А там, мать бы их так, мелиорация полным ходом. Я до кочки. Хрен там, и следа нет — где эту кочку искать? Все перекопано! Вот тут-то крыша и потекла. Начал я гонять дрыном этих мелиораторов, будь они неладны! Но я-то один, а их восемь пассажиров, да еще проститутка эта, мастерица ихняя. Зачекировали по ходу и в мусарню сдали. А я там репой как начал стенки крошить... — тут он продемонстрировал всем желающим старые шрамы на лбу. Сашка Орлов даже уважительно провел по одному из них пальцем. — Ну, менты, конечно, «скорую» вызывать — я ведь в кровищи весь. Те от крови отмыли, зашили, что смогли, и на экспертизу. Под Новгородом на «спецу» три года отсидел, да сколько здесь еще прокантуюсь. Но выйду — все болото перекопаю, гадам буду!

— А золотишка-то много ли было? — осторожно поинтересовался Орлов.

— Да с килограмм где-то...

— Вот непруха! — посочувствовали мужики и дали новенькому сигарету.

Когда на отделение пришел Пашка Федотов, из наблюдальки вывели Ботинка, а из второй палаты ушел домой больной, выписанный на последней осенней комиссии. Бо-

тинок пожелал занять свою старую шконку в углу пятой палаты, и Барышев, усмехаясь и особо не споря, быстренько скатал свой матрац и умотал во вторую. Барышев на удивление быстро сдружился с Яшкой и Генкой, и теперь повсюду они ходили втроем. Барышев с Яшкой были помешаны на технике. Яшка рассказывал, как он «раздевал тачки» за считанные минуты, а Барышев смаковал историю о том, как удирал от ГАИ на краденной «Яве».

— Зверь-машина! — убеждал он, на что Ян пренебрежительно шурился.

По вечерам, взяв в свою компанию Димку и Юрикова, они просили у раздатчиц достать из холодильника общие припасы и объедались батонами с маслом и сгущенкой, вареньем и прочими лакомствами, которые им регулярно доставляли родители. У других больных были запасы поскромнее.

Отрывной календарь на стене раздевалки становился все тоньше и тоньше. Казалось, до Нового года уже можно дотянуться рукой. Все ходили в приподнятом настроении. Перед праздниками даже «стучать» меньше стали.

Под Новый год Губанов провел собрание совета больных. Председатель совета Мотогоров выступил с докладом по теме: «Результаты работы за текущий год». Лютик коротко осветил вопрос гигиены, а Димка Щербицкий закатил речь о физподготовке и необходимости приобретения нового спортивного инвентаря. Анна Николаевна начала было говорить что-то о реабилитации, но под конец так запуталась, что шефу пришлось договаривать за нее. Наконец, он перешел к обсуждению программы праздника, насчет которой с ним никто не спорил, но когда дело дошло до отбоя, начались жаркие дебаты.

Губанов предлагал лечь спать в час ночи, а подъем устроить в полдевятого, на что больные категорично заявили, что раньше пяти спать не лягут. Шеф предложил промотивировать протест, и ему под нос сунули программу телепередач, он пошел на компромисс и разрешил общий отбой в два ночи. Перешли к обсуждению текущих проблем. Слова попросил Васька Светлов и затронул вопрос, волновавший весь персонал.

— Серегину пришла посылка с папиросами. Кто-нибудь видел, чтобы он курил сейчас свои?

— Вечно на подсосе, — выразил общее мнение Лютик.

— Правильно. Вопрос: куда же деваются папиросы после их получения?

— Да он вроде долги раздает, — неуверенно предположил Мотогоров.

— Не долги, а долг, если более конкретно. И причем исключительно Ботинину, который за две сигареты, данные в долг, забирает у него целую пачку.

Шеф, удивленный такой информацией, что-то быстро строчил в блокноте.

— Что вы предлагаете, Василий Васильевич?

— А вот то и предлагаю — чтобы папиросы Серегина забирал санитар и выдавал ему строго по графику, одну штуку в два часа. И он не будет зависеть от капризов Ботинка. То есть Ботинина, я хотел сказать. А то что получается? Мать копейку с пенсии экономит, чтобы посылку собрать, а Соб... Серегину ничего и не достается.

— Ну, как? — спросил шеф у совета больных.

— Давно пора, — ответил Мотогоров. — Молодец санитар. Мы этот вопрос как-то выпустили из виду.

— Я за, — поднял руку Лютик, сразу же учуявший халяву.

После собрания Лютик разыскал Собаку и первым сообщил тому радостную новость, явно намекая на то, что тут не обошлось без его, Лютика, участия. Обрадованный Собака пообещал курить через раз на двоих и долго тряс Лютику руку.

Наступил последний день года.

— Мать честная, минус тридцать три! — ахнул Геннадьич, соскребя линейкой сквозь решетку морозные узоры на стекле и поглядев на недавно установленный термометр. У него порядком подмерз бок, обращенный к окну.

— Сколько-сколько? — не расслышала санитарка Галина.

Они с Андреем с увлечением вырезали из бумаги снежинки и фигурки зверей, чтобы повесить их на елку, срубленную рядом в роще. Стеклянные и пластмассовые игрушки шеф запретил: не дай бог, кто из больных проглотит! Елку установили днем на Валериной смене, она стояла посреди столовой и радовала больных крепким лесным запахом.

Когда Валентин поставил ель, Рыжий и Ленька Мохов целых два часа не отходили от нее, останавливали всех проходящих мимо и нечленораздельными возгласами предлагали полюбоваться на лесное чудо, поселившееся вдруг на отделении.

Валентин, желая похохмить, разжевал иголку и пощелкал себе ногтем по кадыку. Этот жест, конечно же, знал Рыжий, он же Маленький немец, безоговорочно верящий инструктору и всюду таскающийся за ним. Он набрал целую пригоршню иголок и показал себе на рот — мол, туда ли? Валентин подтвердил кивком головы. Маленький немец принялся усердно жевать, исходя зеленой слюной и строя невообразимые грима-

сы. Валентин опять прищелкнул себя по горлу и закачался. Рыжий выставил вперед большой палец — дескать, все хорошо! — и продолжал двигать челюстями, ожидая обещанного кайфа. Но так и не дождался. Наконец, заметив вокруг улыбки, он понял, что его провели, покрутил пальцем у виска, вдобавок продемонстрировал инструктору неприличный жест и ломанулся на дальняк избавляться от «жвачки». После этого он обходил елку стороной и нажаловался на инструктора Татьяне Андреевне. Подойдя к ней, глухонемой показал пальцем на белый халат, тем самым намекая на кого-то из персонала, потом показал «очки», приставив указательные пальцы колечком к глазам.

— Валентин Олегович, — догадалась медсестра. Рыжий согласно закивал. — И что?

Глухонемой покрутил пальцем у виска и безнадежно махнул рукой в сторону своей кровати, имея в виду, что это инструктор, а не он, Маленький немец, должен находиться на лечении и принимать галоперидол с аминазином.

Желая на ком-нибудь отыграться, Маленький немец поймал на ту же удочку Большого немца. Тот, жадно сожрав порцию иголок, запросил добавки, так что Валере пришлось прогнать немцев и охранять елку от съедения.

— Пролетарии всех стран, соединяйтесь! — в пионерском салюте вскинул руку Хорь, приветствуя Иванова, заступившего на смену.

Большинство больных бродили в ожидании праздничного ужина, назначенного на десять вечера.

— С наступающим, нептунова пехота! — к Иванову подошел Барышев.

— Привет, привет, Десант! Чем порадуешь?

— Сегодня Витя на конвертах новый стишок задвинул, сейчас сбегая за ним, — Барышев убежал, и вскоре перед Ивановым предстал местный поэт Витя Попов — маленький, кругленький пятидесятилетний мужичок.

— Виктор Викторович, новые перлы удумал? Почитаешь?

Витя встал в свою обычную позу: левую руку засунул за отворот курточки, а правую вытянул вперед и вверх. После чего скороговоркой начал читать:

*Хрушев досыта наигрался и банкротом стал,
В круги весь облажался, чего никак не ожидал.
У Хрушева две ошибки: субъективизм, волюнтаризм —
Не спасают коммунистов ни марксизм, ни ленинизм!
Хрушев досыта наигрался и банкротом стал,
Насадил он кукурузу, а я дрожжи продавал!*

— Душевно! — одобрил Иванов.

— А мое любимое почитай? — попросил Попова Барышев.

Не меняя позы, Витя с пафосом произнес:

*Сгноить меня хотят на третьем отделении,
Сучат и грозят в волчьем озлоблении!
Сумасшедшие фашисты по психушке гуляют,
Суки, дикие бандиты — меня домой не отпускают!*

— Не отпускают, говоришь, домой?

— Восемнадцать лет уже. А у меня три тетради стихов было на момент ареста. Все кэгабэшники сожгли.

*Педантичные шпионы шпионят много лет,
Московские драконы — разума нисколько нет!
Ничего, выйду отсюда — все президенту напишу!*

— А зачем ждать? — удивился Барышев. — Может, еще восемнадцать лет продержат. Давай прямо сейчас напишем.

— Отсюда не доходят письма, — ответил поэт. — Губанов — тоже кэгабэшник. Он с них копии снимает и отправляет в Москву, а оригиналы в личное дело подшивает. Знаю я эту систему!

Эти двое ушли курить. Подошли санитары Валера с Санькой Рябовым, Татьяна Андреевна и санитарка Тоня.

— Ты бухло принес? — спросил Рябов у Иванова. Тот вместо ответа схватил за шиворот спешащего по каким-то своим загадочным делам Левку Шпица.

— Лева, как ви думаете, — спросил санитар. — Могли мои старенькие родители замастырить для себя идиета?

Маленький, тщедушный Шпиц, взглянув на горой нависшего над ним Иванова, твердо ответил:

— Нет. И никаких викрутасов!

— Лева, а учила ли вас ваша уважаемая бабушка класть все яйца в одну-таки корзину, а потом подставить ее вместо стула местечковому раввину?

Шпиц ответил в том плане, что его уважаемая бабушка советовала для этой цели использовать тухлые продукты, после чего, отпущенный Ивановым, помчался дальше.

- Ты все понял? — спросил Иванов Рябова.
- Не все. Ты куда «яйца» распихал? Я — в сугроб у входа.
- В который?
- В левый.
- А я в правый. У санитаров мысли сходятся.

В десять часов начали накрывать столы. Из окна раздачи Антонина выдавала клоко-чущие паром чайники, пироги, печенье, конфеты. Санитары бегали по столовой, разнося праздничный ужин. Пришел Губанов и сказал предновогоднюю речь. Поздравил, посочувствовал, заверил, что надеется, переживает. В ответ больные пообещали вникнуть, исправиться и больше не попадаться. Похлопали и набросились на пироги.

В одиннадцать шеф отправился домой, не забыв припугнуть санитаров, чтоб ждали с проверкой. Едва за Губановым захлопнулась дверь отдельного выхода, санитары побежали на улицу за заначками.

В двенадцать под бой курантов Собака с Бычком сплясали «русского», по общему требованию и к своему удовольствию, после чего больные разделились на две группы: пожилые остались в столовой смотреть телевизор, а молодежь, в том числе и оба глухонемых, пошла к сестринской — слушать принесенный Рябовым магнитофон. Время от времени санитары по очереди исчезали в кандейке и возвращались повеселевшими.

В половине второго позвонил шеф и напомнил, что отбой в два часа. К этому времени половина больных уже завалилась спать, да и остальные позевывали. Минут за пять до отбоя Иванов решил попить чаю. Зазвонил телефон.

- Санитар Иванов, находящийся на усилении смены, слушает вас внимательно!
- Какое отделение? — раздался на другом конце провода сквозь сопенье и иканье явно не самый трезвый голос.

- Третье.
- Вы что там, пьяные все? Полчаса трубку не снимали!

Иванов был уверен, что на деле никто не звонил.

- Позвольте поинтересоваться, с кем имею честь?
- Дежурный врач Мякишев!
- Пардон, господин Мякишев, не признал. На отделении все чередом. Больные смотрят новогоднюю программу и водят хоровод у елки. Ждут Бармалея.
- Какого Бармалея? Я вот сейчас приду... наведу у вас порядки!
- Извиняюсь великодушно, сударь. Я перепутал. Больные ждут дежурного доктора Айболита со шприцем серы, по совместительству подрабатывающего Дедом Морозом, — кинул трубку.

* * *

«На этот раз Он появился в виде светящегося тумана, по которому время от времени пробегали сполохи светящихся искр. От Него, даже на расстоянии, исходило довольно осязаемое напряжение. Он явно был чем-то озабочен.

Появившись, Он долго молчал, пристально изучая меня. Через пять минут я уже чувствовал себя словно выжатая губка. Наконец, Он заговорил. Сегодня Он говорил скупо и веско, роняя тяжелые слова, точно булыжники. Он сказал, что, наконец-то, выяснил тайну своего происхождения. Для этого Ему пришлось опросить десятки тысяч камней на том месте, где Он впервые начал осознавать свое «Я». Это было долго и утомительно, но, в конце концов, ниточка потянулась вверх, к более конкретным источникам информации.

Когда Он кое-что выяснил, то попытался войти в контакт с представителями своей цивилизации, некоторые из которых находились на Земле. Но они захотели схватить Его. Это им не удалось, потому что за время скитания Он многому научился и даже сумел заполучить одного из них. С помощью вновь приобретенных знаний Он узнал от него все.

Оказывается, они были Великими Сторожами и сторожили, как это ни странно, — именно Его. О, он много поведал, один из этих Великих. Для той расы, из которой они оба происходили, не существовало понятия времени. Они жили вне его, в совершенно других измерениях. Они не были смертными, в обычном смысле этого слова. Они зажи-гали Сверхновые, уничтожая в их огне все, что мешало спокойствию Вселенной. Они называли себя скромно — Санитары Космоса, поддерживая Великое равновесие в царящем кругом Хаосе.

Иногда, после трудных заданий Совета, некоторые из них отдыхали на маленьких цветущих планетах, хотя это и было строго запрещено, так как там могли оказаться разумные аборигены, которые после таких посещений неизменно создавали себе богов. И

вдруг, совершенно неожиданно, кое-кому из них начинало нравиться это поклонение. Все чаще и чаще они посещали «свои» планеты, купаясь на них в ореоле почитания. Тогда Великий Совет Космоса вынужден был принять беспелляционное решение: изолировать таких особей во вневременном континууме и ставить для их охраны Великих Сторожей, которые, перевоплотившись в местные формы жизни, должны были нести неусыпную вахту, не позволяя амбициозным особям вырваться во внешний мир. Запреты, наложенные на них, в конце концов, должны были полностью уничтожить их память, и через определенный цикл времени их выпускали совершенно обновившимися, полноценными членами общества.

Но тот, который ко мне приходит (бывший когда-то — ни много, ни мало — самим Зевсом!), не пробыл в своей темнице положенного срока. В результате слишком большой магической активности некоторых представителей планеты, живущих в других измерениях и слишком часто переходящих из одной реальности в другую, Кокон Запретов оказался частично нарушенным. Вследствие этого пленник очутился на свободе — уже ничего не помнящий, но с необъяснимой жадой мести.

И вот, после того как Он выпотрошил в смысле информации Великого Сторожа, Он пришел ко мне. Почему Он выбрал меня? Что Ему нужно?..»

Глава 8. КЛЮЧИ

Собака, заложив руки в карманы штанов, бесцельно слонялся по отделению из угла в угол и пытался что-то насвистывать, но при полном отсутствии зубов делать это было довольно трудно, вместо свиста получался какой-то шип. Забрел в ванную комнату. Там несколько человек сосредоточенно мыли ноги. Санитарка Тоня, взяв ведро и тряпку, пошла мыть душевую. Открыв дверь, ведущую туда, она легкомысленно оставила связку ключей в замке, чем Собака тут же и поспешил воспользоваться. Никто ничего не заметил. Собака побежал в пятую палату и подошел к Ботинку, сидевшему на своей шконке в углу.

— Слусай, — прошептал. — У меня вон сега есть, — и, не вынимая руки из кармана, показал ему связку. — Сбездать мозно...

Ботинок задумался. Ключи, конечно, иметь хорошо. Но когда пропажа обнаружится, то на отделении непременно устроят шмон, проверят каждую щель и ключи все равно найдут. Ботинок сообразил, что если ключи понадобятся, то при таких полоротых санитарках достать их будет не проблема, а в том, что ключи Собака подрезал у санитарки, Ботинок не сомневался. Трезво взвесив все, Ботинок решил зарабатывать очки в счет предстоящей комиссии.

— Чего хочешь?

— Паську сигалет! — Собака от возбуждения даже начал пританцовывать.

— Пошли, — сказал Ботинок, залезая в тапочки. — На дальняке побазарим.

Ничего не подозревающий Собака устремился вслед за Ботинком, то и дело забегая вперед и неся какую-то околесицу. И только он собрался прошмыгнуть на дальняк мимо сидящего у раздачи Валеры, как был остановлен за шиворот Ботинком.

— Валерий Александрович, у тебя ключи на месте?

— А что? — удивился санитар.

— Да вот, Собака мне чьи-то ключи за пачку сигарет торгует.

Приставленный к стенке, Собака начал бледнеть. Валера нащупал у него в кармане ключи и, поудобней ухватив за ворот, потащил в сестринскую. Через десять минут Собака был привязан в наблюдальке к шконке Юрикова, который занял койку Собаки в четвертой палате. А Ботинок рассказывал всем, как он спас отделение от шмона.

— Не понял, — крутил головой Иванов, заступая на смену. — А где же Гомо Собакус?

Славка с Хорем переглянулись.

— В наблюдальке он...

— Вот-те раз! А я думаю, может, выписали его? То-то на отделении скучота будет. Как он залетел? Опять стекол наглотался или, как Бык, зеленку начал хлестать?

— Он у Тони ключи подрезал и торговал их Ботинку за сигареты.

— А Ботинок его ломанул? — попытался угадать санитар.

— Точно.

— Гомо гомини люпус эст.

— Где гомики? — насторожился Хорь.

— Это по-латыни. Человек человеку волк.

Узнав подробности, Иванов задумался. Тоня схлопочет строгача, но нельзя же быть такой доверчивой, а спустить на тормозах не выйдет. Ботинок режется перед комиссией, и если дело замять, то он поднимет хай на весь дурдом. И накажут всю смену. Всяко

нехорошо.

После обеда к Иванову подошел Сашка Орлов.

— Александр, можно с вами поговорить?

— Жалуйся!

— Как вы думаете: выпишут меня?

— А когда комиссия у тебя?

— В марте.

— Которая? Первая?

— Да, первая комиссия.

— Ну, это, брат, навряд. После первой никого не выписывают.

— Но когда меня сюда с пятнадцатого переводили, то врач сказал, что на пару месяцев всего. На исправление. А я уже здесь целых пять. Так что, я думаю, меня все же должны выписать.

Иванов, помня случай с Колобком, стал предельно осторожным в таких разговорах. Слишком буквально они все воспринимают. Пошлешь, например, его в баню — он и будет всю неделю вторника ждать и тереться у ванной комнаты. Назовешь его слонем — он вообразит себя слонем и станет топтать по отделению, задирая на всех несуществующий хобот. А на пятнадцатом отделении Орлов был временно, потому что у них на третьем в это время не было мест.

— Как ты, такой умный, попал в дурдом?

— Помните «заводское дело»? Когда подшипники воровали. Вот житуха была! В кабаках обедали.

— А кем ты был на заводе?

— Инженер-плановик. Через меня много бумажек проходило.

— Так у тебя верхнее образование? Молодец!

Орлов расцвел как ребенок.

— Я закончил институт в Тольятти, а года через три меня занесло сюда.

— Интересно, интересно. А расскажи за Тольятти? Ты сам оттуда?

— Нет. Это же молодой город. Страсть неуютный: сплошняком новостройки. А назван, кстати, в честь итальянского коммуниста — Пальмиро Тольятти, — взахлеб начал говорить Орлов. — Он восстание против фашистов поднял. Я с Хабаровского края. Город Троицкое, прямо на Амуре.

— Про Троицкое в следующей серии расскажешь. Как вообще настроение?

— Да все бы ничего, только курить хочется постоянно, — сник Орлов. — Ко мне ведь ходить некому: семью не успел завести, а родители в Тольятти живут. Старенькие уже. Вот после комиссии выйду на пятнадцатое — так покурю хоть вволю. Там тем, кто работает, курева не жалеют.

— Сигарету я тебе не дам, — засмеялся санитар, понявший, с какой целью затеян весь разговор. — Но через полчаса подойдешь. Оставлю.

Орлов заулыбался.

— Спасибо, Александр. Так я подойду через полчаса?

Иванов, решив провести воспитательную беседу с Собакой, прошел в наблюдальку. Привязанный к шконке Собака вертел во все стороны круглой стриженной головой в поисках развлечений.

— Проснулся, солнышко?

— Я не солнышко. Я — Собака, злая и кусася.

— Да какая же ты Собака? Ты — щенок еще по сравнению с теми собаками, которых я знаю. Просто мелкий пакостник, — Иванов зло вбивал слова в притихшее пространство палаты, словно гвозди. После каждого слова Собака все больше съеживался. — Ты маленький вонючий хорец, вот ты кто. Тоня же тебе то шмат хлеба подгонит, то чинариков притащит, то чайку заварит... Таких, как ты, надо подвешивать к колоколу вместо била и лупить башкой по звенящим стенкам, чтоб другим неповадно было. Вот вечером «папка» на смену придет и покажет тебе, где раки зимуют! — при упоминании о Сергеечке Собака сжался еще больше, а Иванов щелкнул его по носу и вышел из наблюдальки.

«Папок» на отделении было двое, причем оба персональные. У Собаки «папкой» являлся санитар Сергееч. Он постоянно воспитывал Серегина пинками и подзатыльниками, за что и был возведен в ранг «отца». Собака боялся его, как черт ладана, что давало повод для нескончаемых шуток. Слыша от Иванова, что вечером придет Сергееч, Собака даже тихонько завыл, представив себе разъяренного санитаря.

Вторым «папой» был Витька Гульков, крепко сбитый, обстоятельный мужик. Он единственный на отделении выписывал кой-какую центральную прессу. А «сынком» у него был идиот Ленька Мохов. Ленька и двух слов связать не мог, но отдельные слова иногда говорил и даже понимал их значение. В основном он неприкаянно бродил по

отделению, теребя в руках неизменный носовой платок и все и всех обнюхивая. То ли это вошло уже в многолетнюю привычку, то ли нюх у него был развит от природы, но делал он это весьма умело. Подойдет, бывало, к санитарке или же медсестре, нюхнет где-то у плеча и стоит, комкая платочек.

— Чего, Леня? — спросят его.

— Пахнет...

Женщина, думая, что он унюхал слабый запах духов, поинтересуется:

— Чем пахнет, Леня?

— Бабой пахнет.

Женщины либо смеялись, либо плевались.

По Ленькиным словам, от Валентина Олеговича всегда пахло «околоном», от Иванова почему-то — железом, а от Сергеевича — бородой, хотя ни бороды, ни усов тот никогда и не нашивал, да к тому же был совершенно лыс, как лампочка. Запахи остальных варьировались, но в ограниченном спектре. Ленька мог, например, понюхав вечером Ваську Иванова, заявить, что тот пахнет шашками, а утром, повторив ту же процедуру, уверенно утверждать, что Васька стал пахнуть шубой или же деревом. Тех же, кого Ленька по каким-либо причинам не любил, например Киселя или шефа, он никогда не обнюхивал. Ну, а Витька Гульков для него всегда пах папой. Папой — и никаких вариантов! Гульков никому не давал Леньку в обиду и, когда не был занят, благосклонно разрешал Мохову находиться рядом.

Глава 9. ПИКОВИНА

Отделение ходило ходуном от шмона. Всех больных загнали в пятую палату, самую вместительную, где они и сидели под наблюдением санитарки Шуры. Весь остальной персонал методично, сантиметр за сантиметром, ощупывал, осматривал, проверял помещение за помещением. Искали заостренный штырь, а проще говоря — пиковину, которую Рыжий по пути из мастерской отыскал в снегу и втихаря сунул ее в валенок. После обеда к Ваське Светлову подошел один из его стукачей — Лютик, который, впрочем, нисколько не стеснясь, «работал» и на всех остальных санитаров.

— Василий Васильевич, — шепнул он, — мне только что Маленький немец предлагал пиковину за три сигареты...

Васька метеором кинулся на поиски Рыжего, но было уже поздно: пиковины у него не было, зато в кармане лежали три сигареты.

— Кому?! — заорал Светлов. — Кому слил?!

Рыжий молча показывал себе на уши — не понимаю, глухонемой, мол...

Вскоре ситуация прояснилась. Рыжий показал жестами, как нашел штырь, как его спрятал, как продал. Но на вопрос: «Кому?» — упорно хранил молчание. Валентин предложил ему две пачки сигарет, а старшая добавила от себя плитку шоколада. Рыжий смотрел на лакомства, давился слюной, но никого не закладывал, понимая, что все это у него отберут, стоит только показать «покупателя». Не помогли никакие посулы и обещания — он был непробиваем, точно скала. У него отобрали те самые три сигареты и положили самого его на вязки в наблюдальку, а на его место вывели Пашку Федотова.

Попытались по сигаретам установить владельца. Оказалось, что «Астру» в полосатой бумаге курит пол-отделения, и Валентин за работу на клейке конвертов и в швейке выдает точно такие же. Шеф по одному вызвал несколько больных, в том числе и Ботинка с Глушаком и вообще всех «авторитетов» отделения. Обещал выписку на комиссии и все блага земные. Те, конечно же, божились все разузнать и начали собственные расследования. Во время шмона было обнаружено множество интересных предметов: от плетенных из венгерки «ежиков» до спичек и моек, но пиковину не нашли.

Вскоре Губанов решил провести очередную тренировку персонала. Он завел всех работников в четвертую палату. Больные в это время гуляли, один только Рыжий томился в наблюдальке на вязках и ничего видеть не мог.

— У нас появилось много новых сотрудников, поэтому я решил провести это занятие, — сказал Губанов. — Александр Владимирович, выйдите, пожалуйста, ко мне.

— Можно я буду «голосовиком»? — и, не дожидаясь согласия шефа, санитар схватил себя за ухо, открыл рот, задрал голову к потолку и, крутя ею во все стороны, начал усердно «ловить голоса».

Все так и покатались со смеху, включая и шефа.

— Ольга Викентьевна, приготовьтесь... Иванов, нападайте на меня.

Иванов поднял обе руки высоко над головой и, громко и устрашающе топая ногами, стал наступать на Губанова.

— Да я тебя... — но договорить не успел.

Ольга, схватив ближайшую к ней подушку, быстрым движением вытряхнула ее из

наволочки и, подскочив сзади к Иванову, накинула наволочку ему на голову. Слепленный Иванов беспомощно взмахнул руками, а Ольга, сильно потянув его назад, уронила санитаря на пол. Новички во все глаза смотрели на молниеносно проведенную «операцию обезвреживания», а в среде «ветеранов» раздался одобрительный гул.

— Это один из способов применения подручных средств, — объяснял Губанов. — Так же можно использовать одеяла и простыни. Капитолина Ивановна...

Иванов снова начал наступать на шефа и был остановлен одеялом, которое сестра-хозяйка, мощная сорокалетняя бабеха, накинула на него и, аккуратно уронив, быстро тем же одеялом спеленала санитаря, словно двухнедельного младенца. Шеф продолжал объяснять:

— Если агрессивному больному закрыть чем-либо глаза, то он теряет и становится беспомощным. Наталья Борисовна, попробуйте, — обратился он к новенькой медсестре.

— А можно я перестану быть «больным»? — спросил Иванов. — Я уже, Андрей Андреевич, «выздоровел». Пусть вон лучше Ваську роняют. Он утром в раздевалке чертиков шапкой ловил.

— Каких еще «чертиков»? — обиделся Светлов. — Это моль была.

Все схватились за животы.

— Ладно, — сквозь смех произнес шеф, — пусть вас Светлов заменит.

Наталья, симпатичная чернявая девчушка, явно смущаясь, взяла с постели одеяло и встала у Васьки за спиной.

— На голову, на голову, — подсказала старшая.

Наталья накинула одеяло Ваське на голову и, обняв его сзади за плечи, толкнула на кровать, сама не удержалась на ногах, рухнула вслед за ним, запутавшись в одеяле, и оба принялись барахтаться на постели, пытаясь освободиться от «подручного средства». Персонал ржал.

— Посмеялись, и хватит, — продолжил занятие шеф. — А сейчас потренируемся на вязках.

Иванов с Сергеем, уложив Гуся на кровать, продемонстрировали синхронную вязку, работая быстро и слаженно.

— Восемнадцать секунд, — замерил время шеф.

Андрей с Виктором, следующая пара санитаров, вязали подопытного Гуся больше минуты, суется и путаясь в широких лентах вязок, а когда закончили, Гусь спокойно выдернул руки из нагромождения узлов и принялся распутывать вязки на ногах.

— Александр Сергеевич, — сказал Губанов, — вам задание — обучить вашего напарника, а вам, — кивнул он Геннадью, — вашего.

На этом тренировка закончилась.

Глава 10. ЧУШЬ СОБАЧЬЯ

Иванов сидел в кресле и «прикалывал» Собаку. До отбоя оставалось около часа. Некоторые больные смотрели телевизор, некоторые сидели на шконках в палатах и тихо переговаривались.

— Собака!

— Ась?

— Ты штырь у Рыжего зацепил?

Собака стоял у подоконника, засунув руки в карманы огромных штанов.

— На фиг мне вас затыська сдалась! Я вообще вязанный лезал. Лезу себе, лезу — вдьюг Лыzego заводят и тозе вязут. Вот смеху-то было!

— А кому он мог ее слить? Кум напрягает каждый день — говорит, ищите, где хотите. Может, из дома ему притащить? Нашли, мол...

Собака засмеялся.

— А потом ессе одна найдется!

— Ну, а теперь давай рассказывай.

— Сего?

— С самого начала. Как ты залетел сюда?

Иванов очень любил эти биографические рассказы. Собака каждый раз привирал что-то новенькое, добавляя такие подробности, что у менее искушенного слушателя застыла бы в жилах кровь. И, конечно же, все врало — от первого до последнего слова.

Попал он сюда за спаивание малолеток. В родной деревне, после очередной выписки, он, естественно, ходил героем. А как же! Авторитет, успел и на зонах, и в психушках посидеть. Кто постарше, тем было, конечно, плевать с силосной башни на такого «авторитета», но подрастающая шпана развешивала уши. Собака скалил на публику свои беззубые десны и кричал, что зубы повыбивали ему менты, что было правдой лишь на-

половину. Малолетки тянулись к нему, как цыплята к наседке, а он кормил их за бутылкой портвейна сказками.

— Ну, высел я, знасит, со спеса и две недели бухал с колефанами. А тут усястковый наехал — на лаботу устьяйвайся. Я его послал подальсе и опять бухать насял. Видики всякие оглядел у длузков. Как ментов гасили. «Гьяси» называется. Там блатья были. У одного автомат — дула холосая! А потом опять усястковый плисол — или завтла на лаботу, или в КПЗ. Я носью в лес. Там у меня облез сплятан был и пять кусков стальыми, — Собака оглянулся, понизил голос почти до шепота и подвинулся поближе к санитару, чтобы тому было лучше слышать. — Я облез окопал — и к мусолку домой. Лядом зыли. Стуюс, а он в окоско сунулся: кто там? Я в лобесник ему и залепил. Он как был в окоске — так и остался. А я посол и сдулу магазин глабанул. Водялы наблал по ходу — и ну квасить! Дазе дулу не спятал. Потом посол и соседку тьяхнул.

— Какую соседку? Раньше никакой соседки не было.

— Забыл. А соседка — Маса. Десятиклассниса. Сисястая... Я ее пуской плипугнул — она нозки и ласкинула. Ух, холосая... Потом хотел и ее стьелить, да одумал — пусть зывет. Посол домой, водялу допил и лезу, длыхну. А по утяне менты вломились и вязать насяли. Я одному там — здоловый такой — две бутылки об баску околотил. Насилу его потом в больниське откасяли.

— Крутой ты, Собака, мужик, оказывается!

— Это сто! — Собаку так и распирало от похвалы санитара. — Дальсе слусай! На КПЗ мне менты песенки поотбивали и на тьюлму овезли. А там пахан сидит, Вася такой. Слон — погоняло. Здоловуссий, бесяла! Демон по ходу... Мы с ним в плослую отсидку чифилили. Кто, говолит, этого пахана тлонет — тому не зыть! Все на сыпоськах пеледо мной бегали. Лезу на налах — скусьно. Я клисю: эй, сныли, пятки сесыте! Сныли бегут — пятки сесут. Сего окажу — все делали. Не зызнъ — лафа!

— Ай, Собака! Ай, сукин сын! Ну и молодец!.. Порадовал, бродяга! На сигарету.

Глава 11. КТО ДУРАК?

Славка Шичигин по прозвищу Жир смотрел телевизор редко, но уж когда садился, причем к самому экрану, то над ним прикальвалось все отделение: он плакал. Смотрел «мыльную оперу» — плакал, программу «Время» — опять же ревел, и когда смеялся над приключениями Тома и Джерри — слезы так и лились ручьем по его толстым щекам. Это была какая-то очень редкая болезнь глаз.

Ему было двадцать лет. Воспитывался в психоинтернате захудалого райцентра, но говорил, что в областном центре у него живет мать, молодая и красивая. Никто Славке не верил, потому что никакая мать к нему на свиданки не приходила. Его очень жалела медсестра Нина Павловна и приносила ему из дома чего-нибудь вкусенького. Вполне естественно, что больные прозвали ее «мамкой» по отношению к Славке.

Шичигин восхищался Ивановым. Восхищался — не то слово: боготворил. Остальных же всех, включая больных и персонал, ни во что не ставил. В самом начале своей карьеры санитар Иванов поинтересовался у Славки, за что тот сюда попал. Тот гордо сообщил:

— Мурмаг грабанул.

— Какой «мурмаг»? — не понял санитар.

— Ну, лавка такая, — улыбаясь во всю рожу, ответил тот.

— И чего же ты наградил?

— Ящик вина и блок «Марморо»!

— Вино выпил, «Марлборо» выкурил — и сюда?

— Не-а, — улыбался Шичигин. — Вина только две бутылки успел выпить. Потом «Марморо» закурил и выбил стекла у директора интерната. Он выскочил с какой-то штакетиной, а я ему рожу набил. А он посадил меня в тюрьму. А после тюрьмы сюда привезли.

Славка уважал Иванова за знания. Однажды он подошел к санитару и прямо в лоб поинтересовался:

— Сань, я дурак, да?

Иванов осторожно начал объяснять:

— Э-э, знаешь ли, Славик... существует такая болезнь — олигофрения, а проще говоря, умственная отсталость. Например: тебе двадцать лет, а думаешь ты, как десятилетний пацан. Самая легкая форма такой болезни — это дебильность: как у тебя, у Яшки, у Димки Щербицкого. Но ты же их дураками не считаешь?

— Не-а! — повеселел Шичигин.

— Есть еще имбецильность. Примеры — Мора, Шпиц, оба немца. А самое хреновое — это идиотизм. Это случай Леньки Мохова. Вот он — дурак. Так похож ты на него?

— Нет! — с облегчением выдохнул Славка.

* * *

«Сейчас Он стал приходить все чаще, а разговаривать все меньше. То Он явится в виде огненного столба, то в виде огромного человеческого мозга, а то и в такой форме, для которой и определения-то нет. Но чаще всего Он приходит каким-то многоликим и многоглазым, почти как в древнерусских рукописях: «Было чудище обло, озорно, стоглаво, стоглазо и лаяй...» По-моему, как-то так, насколько я помню. Но дело не в этом.

Сейчас, чтобы вырваться с Земли в бескрайние просторы Космоса, Ему нужно избавиться от Великих Сторожей. Он выискивает их и по одному запирает в коконы аннигиляционных полей. Через несколько тысячелетий они, конечно же, выберутся оттуда, но будет уже далеко. Он явно намекает на то, что один из этих Сторожей находится здесь, на отделении. Теперь мне понятно, почему Он выбрал именно меня. Он сказал, что я ближе всех подхожу ему по интеллекту. И когда наступит час «Х», Он просто войдет в мою оболочку, чтобы расправиться со Сторожем. Он дал мне время на раздумья. И я по ночам, притворяясь спящим, долго размышляю — пускать его в себя или нет. А Он теперь приходит в любое время суток. Сегодня на обеде Он сел напротив меня и сидел минут пять, не говоря ни слова. Странно, как это остальные Его не заметили?»

Однажды я спросил Его — кто этот Сторож? Он загадочно улыбнулся и ответил, что сам еще не знает. Но скоро обязательно его вычислит. Было немного жутковато видеть множество улыбок на совершенно одинаковых лицах.

Как-то раз Он похвастал, что для него нет неразрешимых вопросов. Тогда я в шутку предложил Ему доказать теорему Ферма. Он засмеялся странным булькающим смехом и тут же предстал передо мной в образе средневекового алхимика. Начав с непрерывных дробей и анализа бесконечно малых, Он закончил неединственным разложением на множители и дифференциальными уравнениями в частных производных. После этого Он сказал: «Я думаю, что здесь все понятно. Вопросы просто не существует!» — но верна теорема или нет, так и не прояснил.

Час «Х» — что Он подразумевает? Меня пугает этот час. Когда он наступит?»

Глава 12. ВЫПИСКА

В самом углу столовой, за своим излюбленным столом, сидела спевшаяся гоп-компания: Димка, Мотогоров, Юриков, Генаха, Яшка. К ним подсел Орлов и сбивчиво заговорил:

— Я вот чего. У меня скоро комиссия. Посоветоваться хочу. Что там отвечать, как вести себя?

— Сколько накрутить могли? — поинтересовался Малыш.

— Я по нескольким статьям шел: воровство в особо крупных, подделка документов, дача ложных... В общем, от пяти до восьми светило. Полтора года под следствием да три на «спецу». Потом на пятнадцатое кинули.

— А почему не к нам сразу?

— Сказали, что мест нет.

— Какая у тебя комиссия-то? Первая? — спросил Димка. — На первой никого не выписывают.

Орлов вскочил со стула, его глаза быстро перебежали с лица на лицо, взгляд же был таким просящим и скорбным, что мужики невольно опускали лица.

— Но шеф на пятнадцатом сказал, что на полгода всего. На исправление, говорит.

— И ты веришь? — Мотогоров встал и надавил рукой на плечо Орлова. — Садись.

— Не буду я сидеть! — так и взвился Орлов. — Сбегу, к черту! Или на дальняке вздернусь! Надоело уже все... Зачем, господи?! — он истерично дергал руками, в уголках рта выступила пена, глаза бешено вращались. — Вот напрошусь в поликлинику и сбегу по дороге. Вот увидите!

— Ты, Кабан, только попробуй, — у Мотогорова нервно задергалась щека. — Я тебе так сбегу... Исчез отсюда.

— А я... — заорал было Орлов, но из-за столика начал медленно приподниматься Димка Щербицкий, угрожающе поигрывая мускулами.

— Ну и ладно, — неожиданно успокоился Орлов. — Хрен с вами.

Он вытер тыльной стороной ладони пену с губ и быстро зашагал в палату.

Весенние комиссии начались с середины февраля.

Комиссия... Для больных это слово звучит «слаще музыки» надеждой на свободу. При звуке этого слова у обитателя третьего отделения загораются глаза и учащается дыхание. Соизмеряя степень своей вины со сроком, который ему могли бы накрутить,

окажись он в зоне, и оценивая свое поведение, он приблизительно вычисляет время «своей комиссии». И если он на ней не получает выписки, то его шансы на освобождение возрастают к следующей комиссии.

Как-то раз шеф вызвал к себе Саню Мотогорова и намекнул, что пора-де подыскивать замену на должность председателя совета больных. Из этого Мотогоров заключил, что следующая комиссия будет «его». Присматриваясь к тем, кому не грозила скорая выписка, он остановился на кандидатурах Красикова и Юрикова. Оба амбициозны, молоды и напористы. Переговорив с глазу на глаз с обоими, Мотогоров отдал предпочтение Малышу, то есть Юрикову. Почему? Во-первых — человек три года учился в институте, пока не выгнали. Во-вторых — из интеллигентной семьи и поэтому должен иметь какой-никакой опыт душевного обращения с людьми. В-третьих — быстро завоевал авторитет, такой никому спуску не даст. По рекомендации Мотогорова, шеф вызвал Юрикова и имел с ним продолжительную беседу, убедившую его, что лучшей кандидатуры и не придумать.

Мотогорова выписали, но что значит выписали? Его перевели в другой город на нормальное отделение. После завтрака зеленый «Москвич» отвез Саньку Мотогорова в сопровождении санитаря Валеры к месту выписки, которым был психдиспансер. Валера сдал подопечного местному персоналу и пожелал больше не залетать. Санька с чувством пожал Валере руку. Саньку поджидал другой санитар: усатый, высокий, рукава халата засучены по локоть, а все руки синие от наколок.

— Пошли, голубь! — он похлопал Саньку по плечу. — Опять к нам попал?

«И так всю жизнь, — мрачно подумал Валера. — Из одной психушки — в другую».

Глава 13. ПОЛЕ ЧУДЕС

Новый председатель совета больных сразу же круто взялся за дело. И двух дней не прошло после перевыборного собрания, а он уже вовсю напрягал Губанова, требуя теннисный стол.

— Да куда его ставить? — недоумевал тот.

— Разборный можно сделать, — отвечал все продумавший Юриков, он же Малыш.

— Потом, — отмахивался шеф от настырного «зама по больным».

— Сейчас! — настаивал Малыш. — И качели во дворе нужно сделать. Для удовольствия, значит. И автоматический прикуриватель. А то постоянно спичек у санитаров просить приходится — свои ведь держать запрещено. И картины на стены нужно...

Шеф с испугом смотрел на не в меру шустрого председателя и спешил поскорее от него сбежать. Мотогоров за два года не предложил и половины того, что Юриков придумал за один день.

— Надо «Поле чудес» организовать и «Что? Где? Когда?»

Вот это шефу понравилось. Очень, надо сказать, понравилось. И никаких особых затрат не нужно, и больные заняты будут.

— Вот с этого и начни.

Анна Николаевна притащила из дома старую юлу, которая противно завывала на больших оборотах. К юле приспособили алюминиевую стрелку, разделили на сектора большой картонный круг — и «Поле чудес» было готово. Валентин принес из гаража кучу старых журналов, в которых Юриков выискивал каверзные вопросы. Вывесив заранее объявление, которое, прямо сказать, взбудоражило всех больных, он в первую же субботу провел пробную игру. Даже шеф заявился на отделение, пожелав принять участие.

Малыш назначил три тройки, причем от желающих отбоя не было. Шеф попал в тройку с Усохиным и Левкой Шпицом. Первая тема, придуманная председателем, посвящалась оружию, и вопрос звучал соответственно: синоним слова «пистолет» на блатном жаргоне. Первым крутил юлу Усохин и назвал букву «Ща», вызвав этой «Ща» громкий смех больных и жесты пальцем у виска. Вторым крутил юлу шеф, и так как слова, конечно же, не знал, то решил идти по пути наименьшего сопротивления — назвал букву «А». Юриков вписал «А» фломастером в последний квадратик шестибуквенного слова и предложил сделать следующий ход. Выпал сектор «Альтернатива». Малыш озвучил вопрос:

— Американский оружейник, который усовершенствовал систему барабанного оружия.

Председатель подал шефу два зарика, предложив их кинуть один раз. Шеф гордо отказался кидать зарики и сразу же назвал фамилию изобретателя:

— Полковник Самюэль Кольт.

Ответ не в бровь, а в глаз. В качестве приза шеф получил почтовый конверт и ломал голову над тем, как же это пистолет — слово мужского рода — может заканчиваться на

букву «А». Юла, остановившись, перевела шефа в категорию «банкротов».

Левка Шпиц, практичный, как и все представители его рода, дождавшись своего хода, сразу назвал слово — воляна. Больные долго аплодировали. А победителем всей игры стал Сашка Орлов, угадавший в финале «город из четырех букв, славящийся оружейными традициями», за что был премирован кучей конвертов и пачкой «Примы».

Малыш продолжал напрягать шефа при любой возможности. Шеф уже боялся выходить на отделение, опасаясь встречи с настырным председателем, и пообещал выбить деньги на картины, надеясь, что на этом Юриков успокоится. Но тот не успокаивался и довел шефа напоминаниями о «замысленных» картинах до того, что Губанов лично пошел в ближайший хозяйственный магазин и там приобрел натюрморт с яблоками и виноградом и изображение какого-то здания с крестом на дверях.

Картины повесили в столовой. Костя Голубцов целый день не мог отлипнуть от дома с крестом, похожего на кирху. Размахисто крестя то себя, то картину, он отбил, вероятно, не меньше двух тысяч поклонов, отрываясь от этого занятия только для принятия пищи и лекарств. С тех пор Костя использовал картину как икону и читал перед ней молитву, придуманную им самим:

— Всем набожным народам Белого Света, на бескрайних просторах Христовых Иисусовых, Всемогущественного Творца, никем никогда не родимого Дарца, Творца и моего света Христофорового, Христофора Христофоровича — Хонстантина Хвасильчкина Голубцова-Медвежищева, личного Христового сына господ Бога, меня — Дарца, Творца, благослови в первую очередь. По воле моей, мною — Богом — созданные Солнца, звезды и планеты с народами, с ангелами и ангелицами, полуангелами и полуангелицами и на земле набожные народы жили бы праведной жизнью, и будут жить вечно — без войны, без драки и насилия. Поздравляю всех — мою личную свиту, циркачей и циркачек моих милых дорогих. Христовым Мариям — слава! Слава моим Божествам, всем Зоовластелинам, любезной Свите — слава! Слава Жеребцову, богу Поддубному, Дурову — слава! Слава Боженятам и Божицам, полубоженятам и полубожицам! Слава женам и полуженам моим: Голубцовой, Медведевой, Хрущевой, Пельше. Слава Богу!..

Глава 14. ЗЛАЯ ШУТКА

— Александр Владимирович, а у меня все же есть сестра! Письмо от нее пришло сегодня, — Колобок достал из кармана курточки сложенный четверо листок бумаги.

Иванов выхватил лист из рук Колобка и впился глазами в корявые неровные строчки. Письмо было написано мужской рукой и печатными буквами. Не было никакого сомнения, что кто-то решил зло подшутить над Колобовым:

«Здравствуй, мой милый братик Валера! Пишет тебе твоя младшая сестра Наташа. Неужели ты меня совсем позабыл? Я приходила к тебе на свиданку, а ты даже не вышел. Мама очень расстроилась, да и я тоже. Валера, мне очень плохо без тебя. Когда же ты, наконец, освободишься? Я так уже устала ждать. Я даже не выхожу замуж, хотя мне давно уже предлагают. Ты спросишь — почему не выхожу? Потому, что нужно не только мамино согласие, но и твое тоже. Ведь ты мне вместо отца. Валера, выходи скорее! Тут одна моя подруга увидела твою карточку и забалдела. Просит обязательно познакомиться. Я дала ей твой адрес, так что скоро жди от нее письмо. Мы тебя с мамой очень ждем. Твоя сестра Наташа».

— Где ты это взял? — спросил санитар.

— На кровати.

Иванов схватил Колобка под руку и повел к наблюдалке. Там сидел Гусь и пытался обучить Маленького немца языку жестов.

— Серега, присмотри за Колобком — опять повелся!

Иванов вбежал в палату, подошел к Глушаку, пошептался с ним. Глушак понятиливо закивал головой и пошел в туалет, а Иванов нашел Славку Шичигина и пообещал пять сигарет за любую информацию насчет письма. Пока Глушак в туалете рычал на перепуганных больных, требуя отыскать автора, Славка всего за две сигареты разузнал имя талантливого сочинителя. Им оказался Пашка Федотов.

— Кто?! Этот золотоискатель? — рассвирепел Иванов и двинулся в четвертую палату, а за ним бежал Славка в предчувствии чего-то необычного, потому что он ни разу не видел Иванова в подобном состоянии. Иванов подлетел к шконке, на которой лежал Пашка, схватил его за шиворот и швырнул на пол. — Мопассан хренов! Гений эпистолярного жанра, да?

Пашка, словно затравленный зверь, прижался к спинке кровати и яростно буравил Иванова мелкими бусинками глаз.

— Ты щенок! — прошипел он. — Я семнадцать лет зону топтал. Да я таких, как ты...

— он молниеносным движением выхватил из носка пиковину, вскочил на ноги и застыл, готовый к любым неожиданностям, профессионально держа пиковину на уровне пояса. — Я таких, как ты, рвал, как Тузик грелку...

Щупленький, с большой бритой головой и перекосившимся ртом Федотов сейчас поразительно напоминал вампира из дешевого фильма ужасов. Как ни странно, гнев Иванова тут же испарился.

— Вот она где! — почти ласково произнес он. — Нашлась. В носке, значит, прятал. Мудак ты — зачем она тебе?

— Не подходи! — взвизгнул Пашка, увидев, что Иванов сделал к нему шаг.

Санитар, не обращая на предостережение никакого внимания, двинул Федотова открытой ладонью по лбу. Пиковина с глухим стуком упала на пол, а Пашка рухнул вслед за ней, ударившись при этом головой о железное ребро кровати...

— Упал, — объяснялся потом Пашка перед шефом. — Вместе с кроватью. А пиковина из ножки выскочила. Не знаю, кто ее туда сунул...

Шеф отправил Федотова в наблюдальку и занялся Колобком.

— Спасибо, Александр, что куму не застучали, — поблагодарил Пашка Иванова, когда они шли по коридору. — А то бы опять на «спец» залетел.

— Ладно, исправляйся... Бальзак!

Глава 15. ПОБЕГ

«Сегодня!» — решил Ботинок вскоре после комиссии, отказавшей ему в выписке, и с головой укрылся одеялом, чтобы дежурящий у наблюдальки Геннадьич не смог ни о чем догадаться по блеску глаз. Была суббота. На отделении, как обычно по выходным, дежурила одна смена. Весь остальной персонал отдыхал по домам. За окном наблюдальки весело чирикали воробьи, радуясь весенней капели. «Им хорошо, — размышлял Ботинок. — Им никто выписку не обещал и на комиссии не прокидывал. Лети, куда хочешь. Свобода!» Высунул голову из-под одеяла и отыскивал взглядом Собаку, который отирался у проема палаты.

— Собака, курить хочешь?

Серегин сначала застыл, переводя недоумевающий взгляд с Ботинка на Геннадьича, а потом запританцовывал перед санитаром:

— Надьись, Ботинок куить дает. Пустис в наблюдальку?

Геннадьич махнул рукой — проходи, мол! Собака пулей влетел в палату.

— Садись, — Ботинок хлопнул рукой по своей шконке. Собака уселся на самый краешек, готовый в любой момент задать стрекача. — Бобик, сколько ты мне должен?

Собака тут же погрузился. Он-то надеялся на халявную сигарету, а разговор опять пошел о долгах.

— Сетьле паськи.

— Сделаешь как надо — весь долг прощу!

Собака нервно облизал враз пересохшие губы.

— А сего?

— Вот тебе сигарета, а побазарим потом.

Уловив напряженный взгляд Ботинка, Собака почувствовал, как он сильно нужен Ботинку, и решил бурануть.

— Две стуки.

— Зарываешься, пес...

— Посол я, — Собака поднялся. — Поисси дуласьков на дальняське!

— Стой! — схватил его за курточку Ботинок. — Две штуки — и пачку будешь должен.

— Не фига я тебе не должен! — вконец обурел Собака. — Пусти, а то санитала озову!

Ботинок достал вторую сигарету.

— После обеда подойдешь...

Собака убежал.

— Бысек, везет тебе — выписали, дома сколо будес, — немного погодя говорил он Быкову, раскуривая сигарету Ботинка.

— Какое — дома! Ты забыл, что ли, — я в интернате жил.

— Я и говолю — дома...

— Да не расстраивайся, Туз. Я ведь недолго там буду. Раскручусь — и опять здесь. К осени жди.

— Оклутиться недолго, — подтвердил Собака. — А мозет, здеся оклутисся? Какая тебе ланниса?

— Разница есть, — задумчиво проговорил Бык. — Я там водочки хоть поквашу, чи-

фирку хапану... А потом и обратно можно. Ты без меня на спец не залетай, ладно? Залетать, так уж вместе.

— Оно конесьюно, — подтвердил Собака, протягивая корефану чинарик.

После обеда Ботинок поймал Собаку на дальняке.

— Стой у наблюдалки. Как махну рукой — в столовой бузу замастыришь. Делай, что хочешь. Ясно?

Собака почесал затылок.

— Долго?

— Минуту должен продержаться, не меньше.

— Ну, это фигня. Я в угол стану — хлен достанес.

В смотровое окошко в дверях туалета заглянул Геннадьич — проверить «наблюдаемого».

— Выхожу, выхожу, Владимир Геннадиевич. Накурился.

Как был одетый — завалился на шконку. Наконец, из подсобок вышли санитарка Галина и медсестра Наталья Борисовна. О чем-то оживленно переговариваясь, прошли в сестринскую. «Вороны! — обрадовался Ботинок, сжимая в кармане зубную щетку. — Опять двери на ключ не закрыли — только захлопнули!» Сердце гулко забухало, как во время первого в жизни поцелуя. Ладони вспотели.

В палату заглянул Собака. Искося поглядев на Ботинка и уловив движение рукой, со всех ног кинулся в столовую. Геннадьич удивленно посмотрел ему вслед: «Белены, что ли, обожрался?» Собака, тем временем, подбежал к играющим в домино.

— Усохин, я тебя одусу!

Переверзев оттолкнул Собаку.

— Не мешай, щенок!

Собака, схватив Переверзева за воротник, сильно дернул на себя. Тот с грохотом упал на пол. Левка Шпиц и Пашка Абадуллин разбежались от разъяренного Собаки в разные стороны. Усохин остался сидеть за столиком, с испугом глядя на подходившего к нему маленького тщедушного Серегина.

— Я тебя одусу, Усохин. Яйсо я плосил, а ты его Хабадулину одал.

— Не подходи! — взвизгнул Усохин и кинул костяшками домино во вспотевшее лицо Собаки.

— Ах, ты так, знасит! — Собака схватился за столик и перевернул его на Усохина.

На шум от наблюдалки уже спешил Геннадьич, а ему на помощь торопился второй санитар — Андрей, находившийся у сестринской. Собака схватил стул и, направив его ножками на подбегавших, заорал:

— Не оходи! Хуже будет!

Геннадьич, не обращая внимания на «грозное» предупреждение, продолжал приближаться. Собака кинул стулик в зарешеченное окно, вскочил на составленные в ряд столы и помчался по ним в сторону сушилки, оставив Геннадьича с носом. Андрей, заскочив в столовую и увидев несущегося на него по столам Собаку, раскинул руки в стороны, как бы приглашая Серегина в свои объятия. Собака затормозил, прыгнул на пол, юркнул под стол и ловко пополз на карачках под столами опять к окну.

— Собака, сволочь, видать, конуру ищет! — радостно вопили набившиеся в столовую больные.

Переверзев с рычанием ухватил Собаку за ногу и вытянул наружу.

— Не бей, дядя Витя! — заверещал Собака. — Я успокоился узе!

Геннадьич поволок Собаку в наблюдалку, велев Андрею:

— Разгони всех по местам.

Через минуту Геннадьич обнаружил, что в наблюдалке нет Ботинка, и вихрем рванулся к дверям в подсобки. Они были аккуратно прикрыты, но не захлопнуты. Пробежав по коридорчику, Геннадьич без сил прислонился к косяку: обе двери в тамбур — железная и дубовая — были распахнуты настежь, а в замке последней торчал огромный ключ, который должен был находиться в тумбочке в раздевалке.

— Побег... — побелевшими губами выговорил Геннадьич.

Отделение гудело, словно встревоженный улей. На дальняке обе лавки были тесно забиты мужиками.

— Это Собака нарочно бузу затеял, чтобы Ботинок мог ломануть.

— Молодец Ботинок!

— При старом куме не сбежал бы. Раньше на выходе ментура сидела — где свиданки сейчас. Вот скачков и не было. А новый кум платить им не захотел — беги теперь кто хочет. Легко!

— Да куда бежать-то тебе?

— То-то и оно: некуда. Дальше интерната не ломанешь, а то бы давно лыжи смазал.

— Сейчас они умнее будут. На ошибках учатся.

— Сейчас они ключ перепрячут, — солидно сказал Глушак. — Раньше-то как было? Повели тебя в поликлинику — ты в коридорчике стоишь. Санитар — в раздевалку за ключом от входа. Видели все, где он лежал. В тумбочке. В верхнем ящике. А дверь в сестринскую, если она на ключ не закрыта, а только захлопнута, можно зубной щеткой открыть...

На отделение пришли двое из уголовного розыска, забрали фотографию Ботинка, сказали, что включают данные о побеге в оперативную сводку по городу, и ушли. Губанов решил, что милиция отнеслась к происшествию без должного понимания, и был в весьма удрученном состоянии, но утром шефа взбудрил инструктор Валентин своим сообщением:

— У Ботинина родной дядя в Затоне. Куда ж ему еще податься?

Шеф тут же по телефону затребовал дежурный «РАФ». События развивались стремительно. Развязка наступила, когда больные стаскивали отсыревшие сапоги и снимали фуфайки после прогулки. В сушилку ворвался Кисель, успевший раздеться раньше всех, и сообщил потрясающую новость:

— Мужики, Ботинка привезли!

Шеф собрал собрание персонала с одним вопросом на повестке дня: Ботинок.

— Владимир Геннадиевич, расскажите всем, что произошло.

— Больной Серегин спровоцировал драку, и пока мы его утихомиривали, Ботинин ушел. Не знаю, имел ли место сговор между Ботининым и Серегиным, но все получилось один к одному: незакрытая на ключ дверь, драка, побег...

— Я сегодня же напишу приказ о непременном запирании всех дверей на ключ, независимо от того, на минуту вы вышли или же на пять. Ключ от входной двери будет теперь храниться в специальном закрываемом ящике. Больные не должны знать, где он находится. Замеченные в нарушении приказа будут немедленно уволены. Теперь о Серегине. Из приватной беседы с Усохиным я узнал, что Серегин мотивировал нападение старой между ними ссорой. Некоторые агрессивно настроенные душевнобольные бывают необычайно злопамятны. В практике психиатрии зафиксирован такой случай: один больной встретил свою бывшую учительницу, которой еще в детстве за плохую оценку пообещал выколоть глаз. Встреча состоялась через четверть века. И что бы вы думали? Этот псих взял да и выколол пальцем глаз семидесятилетней женщине. И притом, как и обещал, — правый...

* * *

«Теперь Он постоянно со мной. Он вошел в меня, хоть я этого и не хотел. Теперь уже Он, а не я, управляет моими мыслями, поступками. Но иногда, когда контроль по каким-либо причинам ослабевает, я думаю — а не рассказать ли обо всем куму? Пусть назначает любое лечение, но только чтобы тот Черт-Его-Знает-Кто ушел. А Он меня все время пугает, мол, хочешь про меня сказать кому — говори! Но учти — а вдруг нарвешься на Сторожа? Я-то, говорит, успею сквозануть, а вот твою оболочку Сторож разрушит. Да черт подери и Его, и всех Сторожей вместе взятых! Не хочу я играть в эти игры! Нашли козла отпущения! Парнокопытное жвачное животное семейства полорогих, по фамилии Мегрельско-Ангорский...»

Хотя о чем это я? Вот еще вдобавок ко всему заговариваться начал. Ужас...

А может, Он все врет? Может, Он сам сатана, пришедший за моей душой? Но тогда к чему все эти сказочки про сторожей? Да и не похож Он по повадкам на Князя Тьмы: ничего не обещает и душу не требует — просто залез в нее, как червяк в яблоко. Опутал меня осьминогом и сосет энергию.

А занятно все-таки посмотреть на кума, если рассказать ему все. Вот, поди, обрадуется — и тоже в душу полезет. Может он это — разговорчиками всякими в душу залезать. Но если он залезет туда и увидит Его, то что будет? Борьба добра и зла? Хотя — кто из них кто?..»

Я не сплю? Два ночи? Да, засыпаю...»

Глава 16. ВАФЕЛЬНОЕ ПОЛОТЕНЦЕ

После отбоя Иванов сидел в любимом кресле и задумчиво поглядывал в другой конец отделения. Там, возле наблюдалки, Гусь смешил Ольгу и Шуру. Из палат доносились похрапывание и резкий скрип кроватных сеток. Краем глаза увидел, как из наблюдалки вышел Пашка Федотов с полотенцем через плечо. «Умываться пошел, — автоматически отметил Иванов. — Молодец, блюдет гигиену».

Пашка вышел из туалета и завалился на шконку. Что-то забеспокоило вдруг Иванова. «Полотенце! На дальняк Пашка с полотенцем прошел, а обратно — без полотенца. Вывод? Вариант «А»: полотенце на дальняке оставил: то ли забыл, то ли специально

оставил, но зачем? Ерунда! Вариант «В»: полотенце с собой пронес, но я полотенца не видел. Почему? Потому, что спрятал. Зачем человеку прятать полотенце? Полотенце вафельное. Стоп! Что-то я слышал про вафельные полотенца. Чего-то зеки с ними делают. Как-то используют. Вроде бы намачивают. А при высыхании оно стягивается... Черт!»

Иванов вскочил с кресла и побежал проверять догадку. Гусь, Ольга и Шура с недоумением посмотрели вслед проскочившему в наблюдалку Иванову. Пашка лежал на шконке, с головой забравшись под одеяло. Иванов потянул одеяло, Федотов с испугом и недоумением уставился на санитару, который осторожно ткнул пальцем в вафельное влажное полотенце, намотанное вокруг шеи туго и профессионально.

— Павел Николаевич, позвольте узнать, что это за галстучек у вас на шее?

— Горло болит, — прохрипел Пашка и начал судорожными движениями сдирать полотенце. Помоги, пожалуйста, снять...

Иванов разматывал полотенце.

— Смотри ты, подсыхать уже начало! Через пару часиков — и задохнулся бы во сне. Ловко сообразил!

— У нас на спецу мужик один так даванулся.

— Покурим?

Иванов отвел Федотова в туалет, предложил сигарету. Закурили. Помолчали.

— Хорошо ночью на дальняке, — первым нарушил молчание Пашка. — Ни беготни, ни сутолоки. И воздух чистый.

— Чего ж ты, Паша, счеты-то с жизнью, а?

— Хреново мне, санитар. Вот досюда хреново! — чиркнул рукой по горлу. — Чем так жить — так уж лучше сразу... Тебе спасибо, санитар, что понимаешь обхождение, понапрасну не ломишь...

Иванов положил руку на плечо Федотову.

— А вот тут, Паша, куму придется рассказать. Тут уж никуда не денешься. Суицид, брат!

— Да понимаю я все. Сейчас вот с тобой говорю — понимаю... А завтра снова перекинит... И сколько еще так мучиться?

— Вот и хорошо, Паша, что понимаешь. Не обижаешься на меня. Так хоть санитары за тобой ночью следить будут. А там, глядишь, попринимаешь таблетки пару недель — голова-то и заработает, кум опять на отделение выведет.

— Александр, дай сигарету еще, а я тебе скажу чего... — закурили еще по одной. — Читал я в зоне книжку одну. Там один поэт в психушке лежал. Его корешу башку трамваем отрезало...

— «Мастер и Маргарита».

— Во-во. Там лепила толковал, что никакой псих себя психом не считает, а думает, что он нормальный...

— Ну, и...

— Но я-то знаю, что у меня крыша едет временами. Да и все, кто лежат здесь, — тоже знают.

— Ну, пожалуй, не все. Вот Леня Пучкис, например. Или Костя-Циркач. Или немцы оба. Как им объяснишь, что они ненормальные? Может, они нас ненормальными считают? Они с детства в таком состоянии живут. Для них это норма существования. Другой-то жизни они и не знают...

— Но я-то ведь знаю, что я псих. И в этом-то вся беда. Временами знаю, временами — нет... Как жить с этим? Давит, давит... Санитар, вот ты, я вижу, возишься тут со всеми, с чертями всякими, которые в зоне бы куски подбирали. Не страшно, санитар? Душа-то одна, а ты раздаешь ее направо и налево. Самому-то что останется, а?..

— Да ведь, Паша, и они мне малую долю души своей отдают. По кусочкам. Компенсируют, значит. Вот поговорили мы с тобой душевно — и обменялись как бы частичками души...

— Так если всю душу разбазаришь и взамен наберешь кусочков чужих, да еще и в дурдоме, — перебил Федотов, — что из этого получится?

— А вот этого я не знаю, Пашка. Сам порой удивляюсь — как еще башню не клинит? Друзья, видимо, помогают. Да и винишка иногда выпьешь, расслабишься.

— Тебе еще хорошо, санитар, день да ночь отдежурил — и три дня свободен. А мы?..

* * *

«Он уже вообще оборзел! Целыми днями пилит и пилит меня — то это сделай, то другое. То с тем поговори, то с этим. Проверяет, что ли? Или Сторожа ищет? Заставляет больше есть. Жри, говорит, все подряд и добавки спрашивай. Нас сейчас двое, так что силы понадобятся и довольно скоро. Я, говорит, уже почти завершил

работу по выявлению Сторожа. А по-моему, врет Он все. Никаких Сторожей в природе не существует вовсе. Вот Медведи есть, Львы, например, Хорьки всякие вонючие, Черепахи, даже есть какой-то Окинавский Погоняш, леший его дерн... А про Сторожей никто никогда и не слыхивал!

Врет! Ой, врет! Я предлагал Ему не мучить меня больше, а переселиться в кого-нибудь другого. Так не хочет! Мы с тобой теперь тандем, говорит. Да пошел Он подальше куда, со всеми своими Сторожами и тандемами. Днем-то Он неотступно со мной, а вот ночью исчезает куда-то. Сторожа, видно, вынюхивает. Сколько Он из меня крови выжрал, сволочь! И ведь не денешься никуда от Него. Как я Его ненавижу!»

Глава 17. КРЕЩЕНИЕ

Пашка Абадуллин подошел к Юрикову.

— Юрий Юрьевич, хотелось бы православную веру принять.

Мальш покрутил пальцем у виска.

— Ты сбрендил? Я тебе поп, что ли? Иди к Косте-Циркачу.

— Юрий Юрьевич, вы, конечно же, не поп, но вы являетесь председателем совета. Я к вам с просьбой. Так как я хочу принять православие, то надо бы съездить в церковь, окреститься.

«А неплохо татарин придумал! — закрутилось в голове председателя. — Как я сам-то не догадался? Такое мероприятие! Это не картинки пробивать у кума. Это, черт возьми, крутейшая нарезка!» Одним прыжком соскочил с шконки и схватил Пашку за грудки.

— Ты что, гад, — из церкви сквозануть хочешь? Мне и так от кума за Ботинка пошло! Не хватало еще твоего побега? Смотри у меня!

Пашка захлопал глазами («Надо же, раскусил, как орех!») и быстренько убежал, а Мальш взял листок бумаги, записал несколько фамилий, пошел в наблюдальку.

— Женька, — обратился он к Глушаку. — Крещеный?

— Не-а!

— Креститься будешь?..

Через полчаса довольный Юриков уже напросился на прием к Губанову.

— Андрей Андреевич, двенадцать человек, — достал бумажку, — Ботинин, Усохин, Глушаков, Попов, Переверзев, Хорьков, Серегин, Шичигин, Юриков, Киселев, Абадуллин, Федотов — хотят принять крещение.

— А почему не все отделение?

— Не иронизируйте, Андрей Андреевич. Это серьезно!

— И вы надеетесь, что я вас повезу в церковь креститься?

— Можно и сюда попа позвать.

— Цель?

— Да как же вы не поймете? Креститься хотим. Сколько можно нехристями жить?

— Чья идея?

— Моя.

— Я подумую...

Крещение было назначено на воскресенье. Губанов лично посетил епархию и пригласил священника на отделение. К этому там отнеслись благосклонно. В воскресенье Костя с утра молился дольше обычного. Накануне он попытался затесаться в список принимающих крещение, чтоб на халяву причаститься кагором, но его оттуда турнули — дважды креститься не положено.

Прибыл священник, водил крестящихся по кругу возле сестринской, громко распевал и разбрызгивал святую воду. Остальные больные сидели в столовой и с интересом прислушивались к доносящемуся пению. Вскоре обряд был закончен, и батюшка, по просьбе шефа, начал освящать отделение, специальной метелочкой брызгая святую воду по углам и на стены. Костя, крестясь и нашептывая молитву, хвостом таскался за «циркачом», с восторгом наблюдая за всеми его действиями. Покончив с отделением, священник перешел в сестринскую, куда Костю не пустили, и он томился в ожидании выхода батюшки, и когда тот вышел, Костя чуть на колени перед ним не кинулся:

— Благослови!!!

Поп несколько раз перекрестил Голубцова и сунул ему руку для поцелуя. Костя с благоговейным трепетом приложился к ней, после чего весь остаток дня и начало следующего блаженно бормотал нечто несвязное и загадочное:

— Аз есмь Бог Христофоров... Личной свиты полубоженят и ангелиц... Лошадей аренных благословляю и причащаю цикладолом, галоперидолом и аспирином... Боженка Христова уважал, уважаю и уважать буду...

Глава 18. УБИТЬ СТОРОЖА

Все отделение вышло на прогулку. Больные прохаживались взад и вперед по дватри человека, ведя разговоры «за жизнь». Некоторые сидели за столом, стоявшим в прогулочном дворике. Некоторые полулежали на теплой земле вдоль забора, греясь на солнце. Ольга и Анна Николаевна организовали игру в мяч и отмечали победивших почтовыми конвертами. Игра была простенькой: метров с восьми нужно было попасть маленьким мячиком внутрь ведра. Настроение у всех было умиротворенное. За одним исключением... Если бы там оказался вдруг телепат, то он уловил бы параноидальный тревожный диалог раздвоившегося сознания в углу дворика:

«Это будет сегодня. Сторожа я покажу тебе чуть позже». — «Можно и сегодня. Даже лучше, если сегодня. Но обещаю, что после этого Ты от меня уйдешь...»

— Заходим на отделение. Прогулка окончена! — объявил Иванов, посмотрев на часы.

Больные нехотя потянулись в опостылевшие палаты. Иванов ходил по дворiku, звякая связкой ключей, и подгонял отстающих. Славка Шичигин таскался за ним хвостом. У турника стоял Большой немец и внимательно разглядывал столб. Санитар похлопал его по плечу и знаками стал показывать, что пора идти обедать. Большой выкивал головой. В это время за спиной Иванова раздался треск выламываемой двери.

В левом углу дворика находилась дверь, ведущая в склад инвентаря, если можно назвать складом огороженное пространство три на четыре метра. Когда отделение охраняла милиция, там сидела служебная овчарка в конуре, а сейчас стояли лопаты и грабли. Дверь была сработана на славу, но вот пробои давно прохудились и заржавели. Оказалось, что одного хорошего удара плечом достаточно для того, чтобы пробои выскочили вместе с замком. Краем глаза Иванов успел заметить широкую спину в фуфайке, мелькнувшую за выбитой дверью склада.

— Кто?! — заорал Иванов.

— Фиг знает! — ответил Славка в спину несущемуся к складу санитару.

Тот, кто высадил дверь, крепко навалился на нее спиной с той стороны. Иванов с разбегу попытался распахнуть дверь, она чуть подалась и опять захлопнулась. Он в прыжке попытался выбить ударом ноги дверь, и та неожиданно распахнулась. Санитар влетел на склад, словно небольшой метеор, того не ожидая, и плашмя растянулся на мокрой земле. Заметил чьи-то ноги в сапогах в полутора метрах от себя. Быстро откатился и вскочил. Перед ним, угрожающе поднимая ржавую лопату над головой, стоял Сашка Орлов с совершенно искаженным, неузнаваемым лицом.

— Не подходи, санитар, — прохрипел он. — Он тебя ликвидирует...

— Ага, Тольятти... — Иванов чувствовал, что необходимо что-то говорить, чтобы пригасить агрессивность сумасшедшего. — Приятель, ты лопату неправильно держишь...

Орлов бешено вращал глазами. Костяшки пальцев, сжимающих черенок лопаты, побелели. Иванов, не видя ничего лучшего, решил действовать без переговоров, но скользкая глина ушла из-под ног, и он опять растянулся на земле.

— Он Сторож? — хрипел над ним Орлов. — Я ликвидирую его, но ты уйдешь!..

Санитар, успев подняться на одно колено, увидел, что на него, со свистом рассекая воздух, стремительно опускается лопата. Он автоматически выставил жесткий блок левой рукой, одновременно поднимаясь на ноги и подаваясь чуть вперед, чтобы погасить силу удара. Черенок лопаты сломался, наткнувшись на блок. Вероятно, черенок был с сучком, да и обветшал. Штык лопаты, по инерции несясь вниз, пробороздил шею, но санитар, не обращая на это внимания, вскочил. В голове суматошно пульсировала только одна мысль: «Обезвредить!» Вскакывая, нанес резкий удар кончиками пальцев под кадык и сопроводил ударом в область печени. Орлов екнул, как-то странно завалился набок и упал, уткнувшись лицом в землю. Что-то горячее неудержимой волной покатило по шее. Бросив взгляд вниз, Иванов увидел, что халат быстро пропитывается кровью.

— Е-мое! — взвыл он, сорвал с себя халат, скомкал и прижал к шее. На склад сунулся Славка. — Быстро сюда Гуся и Валентина! С вязками!

Славка ворвался на отделение с воплем:

— Саньку на складе зарезали — он вязки просит!

Иванов прислонился к забору, зажимая порез халатом. Ноги противно дрожали, а шея начинала странно неметь. Голова кружилась, а перед глазами носилась необычная, веселая карусель из радужных полос...

Порез был неглубоким. Вскоре Иванов, с перебинтованной шеей, уже шутил в своей обычной манере, оправдываясь перед Ольгой в кандейке.

— Дурак какой! За каким чертом ты полез к бешеному психу? — слезы брызнули из глаз медсестры. — Он же тебе чуть голову не отрезал!

- Аннушка еще не разлила мое масло.
- Ты уже заговариваешься, да?

На больничном Иванов полистал «Хрестоматию по психологии» и наткнулся на статью, затрагивающую вопрос: «Может ли являться фактором человеческого поведения такое воображаемое, о несоответствии которого реальной действительности хорошо известно субъекту?» Примерил эту формулировку к ситуации: «Что же это получается? Живет себе сумасшедший, ловит потихонечку голоса — и вдруг в один прекрасный день голос ему говорит: «Убей санитар!» Он, естественно, хватается лопату и пытается снести голову человеку, от которого, кроме добра, ничего не видел. Но знает ли он в этот момент, что его воображаемое не соответствует реальной действительности?»

Глава 19. ГОЛОСА И ГЛЮКИ

- Ну, так что — на спец тебя отправляют?
- Андрей Андреевич, не надо. Я понял...
- Что понял?

– Понял я, что голоса у меня шли, — с трудом подбирая слова, тихо заговорил Орлов. Сознание, затуманенное нейролептиками, плющило голову и как будто каким-то необъятным треугольником стекало к полу. Слова казались большими и круглыми, и приходилось прилагать немалые усилия, чтобы вытолкнуть их наружу. Прямо над столом шефа висел ни на чем огромный подшипник и раскачивался, словно маятник. Когда Орлов выпускал из себя слова, подшипник исчезал, но стоило Орлову замолкнуть, подшипник снова появлялся и начинал мерно раскачиваться, отодвигая в сторону окна эру палеолита. За подшипником угадывались глаза шефа, ждущего объяснений. Поэтому нужно было говорить: — Думал, что по недоразумению здесь оказался, а теперь вижу — нет.

«Нет» показалось самым огромным словом, сорвавшимся с губ. Блестя крутыми боками, оно прошло прямо сквозь шефа и повисло на застекленном шкафу. Тотчас появился подшипник и раздвигал своей амплитудой что-то весьма интересное, но что? Это Орлов определить не мог, зато он твердо выяснил марку подшипника: тысячник. Эта маленькая победа придала ему уверенности. Давление, плющившее голову, понемногу ослабевало. Подшипник начал раскачиваться сильнее, и Орлов испугался, что подшипник может разбить окно. Этого никак нельзя было почему-то допустить, и поэтому он начал говорить быстрее. Чем чаще он выпускал из себя слова, тем они становились меньше и выскакивали легче. «Ага, вот в чем дело!» — обрадовался он и зачастил:

- Хорошо, что на Иванова нарвался. Не сломайся черень — ничего бы и не было.
- А если бы не на Иванова?
- Другой и не побежал бы вовсе за мной.
- Но травму все-таки ты нанес...
- Да нет же, — перебил Орлов. — Я говорил уже. Это Он.
- Ну, и что прикажешь с Ним делать? Под суд отдать? Но отвечать-то тебе придется.

Орлов вытянул руки из подмышек, нервно переложил на колени, потом сунул в карманы. Судорожно глотнул. Взглянув на шефа, увидел над ним вместо подшипника улыбающуюся рожу Собаки. «Подслушивает, гад!»

– Не надо на спец, Андрей Андреевич. Лучше вы меня вылечите, избавьте от Него, пожалуйста. В следующий раз, если голоса придут, я сразу к вам обращусь без промедления. Вы мне верите?

Собака, материализовавшийся уже по пояс, хитро подмигнул и выставил вперед большой палец. Затем, как ни в чем не бывало, принялся ворошить прическу шефа, поднимая и опуская тому волосы. Шеф усмехнулся.

- А может, в следующий раз голоса скажут тебе: убей шефа! Что тогда?

Собака испуганно зажал беззубый рот ладошками, сделал круглые глаза и сиганул в форточку. «Вот бы и мне так!» — остро позавидовал Орлов. Вслух же сказал:

– Но ведь существует же какое-то лечение. Может, если таблеток принимать побольше, то и не придут они вовсе, голоса-то?

- Александр Иванович, шизофрения практически неизлечима, к сожалению...

Вновь появился Собака. Он нагло разлегся над головой шефа и согласно закивал головой. Вытащил из кармана небольшой подшипник и принялся подкидывать его на ладони. «Да где же они подшипники-то берут?» — изумился Орлов. Собака неуверенно пожал плечами и махнул свободной рукой в сторону — там, мол, где-то.

– ...Можно, конечно, нейролептиками заставить ее на время замолчать. Но ведь вы все, выйдя отсюда, сразу же забываете про таблетки. Редкие единицы продолжают принимать лекарства после выписки. А болезнь-то прогрессирует...

Орлов поежился. Снова сглотнул и устремил на шефа молящий взгляд. Собака вообще оборзел — повернулся к Орлову спиной, спрятал обратно в карман подшипник и вроде бы даже заснул.

— Да я теперь, когда понял, что болен, постоянно таблетки принимать буду. Только вот сковывает с галоперидола, и нетерпячка идет постоянно. Тормозить натурально начинаешь, — заинтересовавшийся Собака быстро развернулся в воздухе и согласно закивал головой. — Если, конечно, в разумных пределах принимать, то тогда и ничего бы. Можно и на воле, чтоб обострения не было... Не отправляйте на спец, пожалуйста. Там вообще — труба...

Собака к чему-то настороженно прислушивался. Вдруг, словно чего-то страшно испугавшись, поспешно нырнул к шефу в карман. Раздался громовой хохот. «Он... опять Он! Сволочь... Ну, все — сейчас я Его придушу!» Собака высунулся из шефовского кармана, погрозил пальцем и отрицательно замотал стриженной головой. Орлов прислушался. Оказывается, это был не хохот. Просто под откинувшимся назад шефом негромко поскрипывал старенький стул.

— Александр Иванович, вы, конечно, понимаете, что такие вопросы с кондачка не решаются. Будет собрана специальная комиссия. Случай неординарный. Но я попытаюсь подействовать.

Глава 20. ПОЧЕМУ?

Иванов, уже без повязки, но с кусочком лейкопластыря на шее, пришел на отделение.

— А мы тебя здали! — заулыбался Собака.

— Кому это вы меня сдали? — ухватил его за шиворот санитар.

— Да не здали, а здали! — стал оправдываться Собака. — Дозыдались, во!

— Так бы сразу и сказал! Скажи мне еще кое-что, Собака.

— Сто?

— Один пассажир, очень давно, надо признаться, хлестанул по пьяни: пришел, увидел, победил. Въезжаешь?

— Не-а...

— Ну, то есть он появился, все увидел и всех завалил. Вот скажи то же самое, но по-своему, как ты умеешь.

— А покулить оставис?

— Штуку дам, — пообещал Иванов. — Если понравится.

— За базал отвесял пассазыл?

— На сто пудов. Пришел и всех заметелил.

Собака ненадолго задумался. Потом заулыбался во всю рожу и выпалил:

— Обезал, огъядел, окатил!

— Держи штуку, — одобрил санитар. Собака поинтересовался:

— А сто за пассазыл был?

— Да один пахан старый. В законе. Припорол его.

— Залко, — вздохнул Собака. — Холосо сказал...

На другой день Иванов отвел дочку в театр. Пока шло представление, он сидел в парке на скамейке и курил сигарету за сигаретой. В такой славный весенний денек и думать бы должно по-весеннему, но Иванов думал о жизни — какая это нелегкая и серьезная штука. После спектакля на той же скамейке они сидели с дочкой и ели мороженое.

— Папа, ты чего думаешь? — спросила Юля, весело болтая ногами.

Отец посмотрел на дочь долгим задумчивым взглядом, хотел было отшутиться, но передумал и спросил:

— Юля, ты взрослая?

— Взрослая. Мне уже почти четыре года!

— Ну, тогда ты меня поймешь. Я, дочка, думаю о жизни.

— О жизни... — протянула она. — А что о жизни?

— Жизнь, Юленька, это такая сложная штука, что чем дольше живешь, тем меньше ее понимаешь. Так-то вот...

Юля лизнула мороженое и, видя, что отец снова задумался, затеребила его за рукав:

— Почему, папа? Почему?..